

ЧАЙНА МЪЕВИЛЪ

КРАКЕН

18+

«Эта книга полна игры слов и образов, она понравится как читателям мейнстрима, так и любителям фэнтези».

fantlab.ru

fanzon

Чайна Мьевиль

Кракен

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51854366

Кракен: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-109040-1

Аннотация

Билли Хэрроу работает в лондонском музее. Во время экскурсии открывается пропажа главного экспоната – аквариума с гигантским кальмаром, а следом и исчезновение охранника. На допросе в полиции Билли узнает о существовании спецотдела, занимающегося многочисленными сектами Лондона. По неизвестной причине Билли становится объектом охоты бессмертных асасинов, а затем и ключевым игроком в партии паникующего перед апокалипсисом оккультного Лондона, населенного магами-фишечниками, чудовищами и богами.

Содержание

Благодарности	6
Часть первая	9
1	9
2	22
3	33
4	48
5	56
6	68
7	77
8	89
9	94
Часть вторая	104
10	104
11	109
12	115
13	121
14	125
15	133
16	142
17	150
18	162
19	170
20	179

Чайна Мьевиль

Кракен

Для Марка Булда, товарища по тентаклям

China Miéville

KRAKEN

Copyright © China Miéville 2010

© С. Карпов, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Благодарности

За всяческую помощь с этой книгой я чрезвычайно благодарен Марку Булду; Мику Читему; Джули Крисп; Мелисанде Эканик; Саймону Кавано; Хлое Хили; Динне Хоук; Питеру Лейвери; Джемиме Мьевиль; Дэвиду Меншу; Сэнди Рэнкин; Максу Шэферу; Джесси Судальтеру и моим редакторам Крису Шлюпу и Джереми Треватану. Моя искренняя благодарность всем в Del Rey и Macmillan.

Музей естествознания и Центр Дарвина, конечно же, реальные места – в последнем находится реальный Architeuthis, – но за их изображенные здесь сомнительные версии всю ответственность несу я. За невероятное гостеприимство и внутренний доступ я очень благодарен всем, кто работает в этих реальных организациях, особенно Патрику Кэмпбеллу, Оливеру Криммену, Мэнди Холлоуэй, Карен Джеймс и Джону Лэмбсхеду.

Стихи в 19-й главе, «Кракен пробуждается», – авторства Хью Кука, и я очень благодарен его семье за разрешение их воспроизвести. Из всех многочисленных писателей, музыкантов, художников и исследователей, которым я обязан, в первую очередь я благодарен в связи с этой книгой Хью Куку; Burial; Хью Харману и Руди Айзингу; Уильяму Хоупу Джонсону; Pop Will Eat Itself; Цунему Кубодере и Киеси Мори; Жюлю Верну; Герберту Уэллсу и Япетусу Стинстрапу.

*Зеленая волна с боков спадает
Когда со дна меня сезоны гонят.*

Хью Кук, «Кракен пробуждается»

В море много святых. Ты же знаешь? Знаешь. Ты уже большой мальчик.

В море много святых, и так было издавна. Они там дольше, чем что угодно. Святые были даже раньше богов. Они их ждали – и они там до сих пор.

Святые питаются рыбой и моллюсками. Кто-то ловит медуз, а кто-то ест мусор. Некоторые святые едят что попало. Они прячутся под камнями; они выворачиваются наизнанку; они плюются спиральями. Чего только святые не делают.

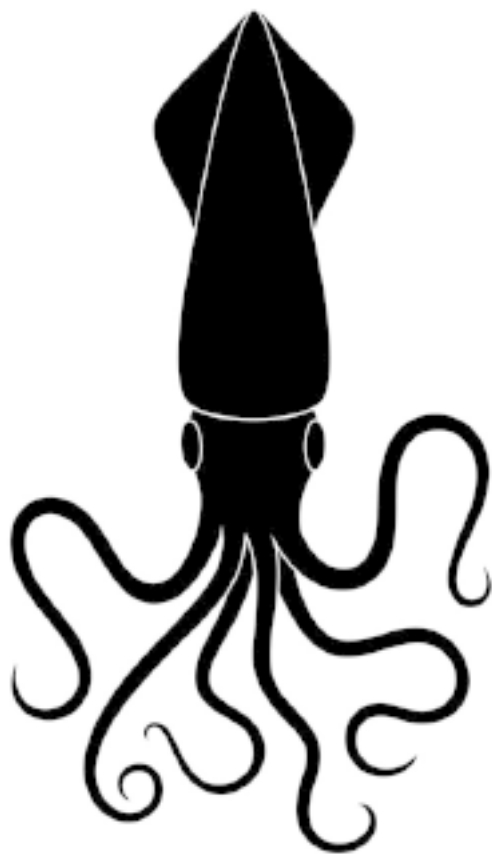
Сложи руки в такую форму. Вот так. Пошевели пальцами. Ну вот, получился святой. Смотри, вот еще один! Теперь они дерутся! Твой победил.

Больших спиральных святых уже нет, но еще есть похожие на мешки и похожие на клубки и еще такие, которые похожи на хламиды с развевающимися рукавами. Какой твой любимый святой? Я назову своего. Но погоди – сперва, знаешь ли ты, почему они святые? Все они – святая семья, все они родственники. Друг друга и... знаешь, кого еще?

Правильно. Богов.

Ну хорошо. Кто тебя создал? Ты знаешь, что отвечать.

Кто тебя создал?

Часть первая

Экспонаты

1

Обыденный предвестник гибели в рекламных щитах-бутербродах резко ушел со своего поста у ворот музея, где простоял последние несколько дней. На щите спереди было олдскульное пророчество о конце света; на том, что болтался сзади, было написано: «Забейте».

Внутри через большой зал, мимо двойной лестницы и гигантского скелета, громко шагая по мрамору, прошел человек. За ним наблюдали каменные животные. «Так-с», – повторял он.

Его звали Билли Хэрроу. Он бросил взгляд на огромные искусственные кости и кивнул. Как будто поздоровался. Было чуть позднее одиннадцати утра, октябрь. Зал заполнялся. У стойки его ждала группа, поглядывая друг на друга с вежливой застенчивостью.

Там были два молодых человека лет двадцати, с гиковскими прическами. Дразнили друг друга парень и девушка, вчерашние подростки. Она, очевидно, пришла, только чтобы

побаловать его. Была пара постарше и отец лет тридцати с маленьким сыном. «Смотри, обезьянка, – сказал он. Показал на животных, вырезанных на желобках, оплетающих музейные колонны: – А видишь ящерицу?»

Мальчик едва глянул. Смотрел он на кости апатозавра, которые как будто поприветствовал Билли. А может, подумал Билли, на стоящего за ними глиптодонта. В первом зале Музея естествознания у каждого ребенка имелся свой любимчик, и у самого Билли это был глиптодонт – полусферический великан-броненосец.

Билли улыбнулся женщине, продававшей билеты, и охраннику за ее спиной.

– Это мои? – спросил он. – Ну ладно, народ. Поехали?

Он, моргая, протер очки, повторяя выражение и движения, которые его бывшая однажды назвала очаровательными. Он был младше тридцати и выглядел моложе; на лице слишком много веснушек и слишком мало щетины, чтобы называть его «Билл». С возрастом, подозревал Билли, он в стиле ДиКаприо просто станет похож на высохшего ребенка.

Черные волосы Билли были растрепаны в слабом подобии модного стиля. Носил он не самый безнадежный верх, дешевые джинсы. Когда он только начинал работать в Центре, ему нравилось думать, что для такой работы он выглядит неожиданно круто. Теперь он знал, что этим никого не удивить, что больше никто не ждет, чтобы ученые выглядели как ученые.

– Итак, вы пришли на тур по Центру Дарвина, – сказал он. Вел он себя так, будто присутствовавшие пришли ознакомиться со всей исследовательской организацией, посмотреть на лаборатории и кабинеты, картотеки, шкафы с бумагами. А не ради одного-единственного предмета во всем здании.

– Я Билли, – сказал он. – Я куратор. Это значит, что я занимаюсь каталогами, консервацией и всем таким. Я здесь уже давно. Когда я только пришел, я хотел специализироваться на морских моллюсках. Знаешь, что такое моллюск? – спросил он мальчика, который кивнул и спрятался. – Правильно, улитки.

Моллюски были темой его диссертации.

– Ну хорошо. – он надел очки. – Следуйте за мной. Здесь работают люди, так что попрошу быть потише и умоляю ничего не трогать. У нас везде щелочи, токсины и всякие прочие ужасы.

Один из молодых людей начал спрашивать: «А когда мы увидим?..» Билли поднял руку.

– Можно я быстренько?.. – сказал он. – Давайте объясню, как у нас все пройдет. – У Билли выработались собственные бессмысленные идиосуеверия, и по одному из них называть то, ради чего все пришли, до того, как они это увидят, – к беде.

– Я покажу вам разные места, где мы работаем, – глупо говорил он. – Все вопросы сможете задать потом: время у нас все-таки ограничено. Давайте сперва закончим экскурсию.

Ни один куратор или исследователь не был обязан проводить экскурсии. Но многим приходилось. Билли уже не ворчал, когда наступала его очередь.

Они вышли и прошли через сад к Центру, со стройкой с одной стороны и кирпичной филигранью Музея естествознания – с другой.

– Пожалуйста, не фотографируйте, – сказал Билли. Ему было все равно, подчинятся они или нет: его дело – повторять это правило. – Это здание открылось в 2002 году, – сказал он. – И, как видите, мы расширяемся. В 2008-м у нас будет новый корпус. Центр Дарвина – это семь этажей заспиртованных экспонатов. То есть они хранятся в формалине.

Будничные коридоры вели навстречу вонь.

– Господи... – пробормотал кто-то.

– И в самом деле, – сказал Билли. – Это называется дерместариум. – За внутренними окнами стояли стальные контейнеры – как маленькие гробы. – Здесь мы очищаем скелеты. Избавляемся от гадости. *Dermestes maculatus*.

На видео на компьютерном экране у боксов какую-то отвратительную и соленую на вид рыбу поедал рой насекомых.

– Фу-у, – сказал кто-то.

– Камера стоит в боксе, – сказал Билли. – По-английски они называются кожеедами. Они съедают все и оставляют только кости.

Мальчик улыбнулся во весь рот и стал дергать папу за руку. Остальная группа улыбалась пристыженно. Жуки, поеда-

ющие плоть; иногда жизнь правда похожа на Би-муви.

Билли обратил внимание на одного из парней. На нем был костюм в стиле «прощай, молодость» – помятый и аристократический вид, странный для такого молодого человека. На лацкане – значок с узором, похожим на раскинувшийся астериск, где две спицы кончались завитками. Он записывал. С огромной скоростью заполнял блокнот.

Таксономист как по характеру, так и по профессии, Билли давно пришел к выводу, что на эту экскурсию ходит не так много типов людей. Это дети – в основном мальчики, стеснительные и вне себя от радости и с глубокими познаниями обо всем, что видят. Это их родители. Это робкие люди лет двадцати – с таким же гиковским восторгом, как у детей. Это их подружки и парни, упражняющиеся в терпении. Иногда заносило несколько туристов.

И это одержимые.

Они единственные знали больше, чем маленькие дети. Иногда они молчали, иногда перебивали Билли слишком громкими вопросами или поправляли в научных деталях с утомительной хлопотливой дотошностью. За несколько последних недель он отмечал наплыв таких посетителей.

– Какое-то августовское обострение, – говорил Билли своему другу Леону несколько дней назад, когда они выпивали вечером в пабе на Темзе. – Сегодня пришел один весь в значках Звездного флота¹. Жаль, не в мою смену.

¹ Организация из вселенной «Стар Трека». – Здесь и далее прим. пер.

– Фашист, – сказал Леон. – Откуда это у тебя такие предубеждения против задротов?

– Я тебя умоляю, – сказал Билли. – Это тогда была бы ненависть к себе, нет?

– Да, но ты еще куда ни шло. Ты, как бы это, под глубоким прикрытием, – сказал Леон. – Можешь улизнуть из задротского гетто, спрятать свой значок и вернуться с едой, одеждой и вестями из внешнего мира.

– М-м-м, как жирно.

– Ладно, – сказал Билли, когда мимо прошли коллеги. – Кэт, – бросил он ихтиологу, – Брендан, – другому куратору, который ответил:

– Как оно, Пробирочный?

– Пройдемте дальше, – сказал Билли. – И не волнуйтесь, скоро будет самое интересное.

«Пробирочный?» – Билли заметил, что один-два из его подопечных гадают, не послышалось ли им.

Прозвище зародилось на пьяных посиделках с коллегами в Ливерпуле, еще в его первый год в Центре. Это была ежегодная профессиональная конференция кураторов. После целого дня разговоров о методологиях и истории консервации, музейных планах и политике стендов вечернее расслабление началось с вежливой беседы на тему «А как вы к этому пришли?», затем превратилось в сеанс, когда все в баре один за другим рассказывали о своем детстве, а эти монологи, в свою пьяную очередь, стали раундом игры, которую

кто-то окрестил Биографическим блефом. Каждый должен был привести о себе какой-то предположительно экстравагантный факт – однажды съел слизняка, участвовал в сексе вчетвером, пытался сжечь школу и так далее, – после чего истинность заявления выносилась на бурные дебаты.

Билли с каменным лицом заявил, что он – результат первого в мире успешного экстракорпорального оплодотворения, но лаборатория отреклась от него из-за внутренней политики и сомнений насчет согласия на эксперимент, почему официальные лавры и отошли кому-то другому через несколько месяцев после рождения Билли. Во время допроса о подробностях он с хмельной легкостью называл врачей, место, легкое осложнение во время процедуры. Но не успели все сделать ставки и услышать разоблачение, как разговор внезапно свернул в другую сторону и игру забросили. Уже два дня спустя, в Лондоне, коллега по лаборатории спросил, правда это или нет.

– Естественно, – сказал Билли с безэмоциональным дразнящим намеком, который означал и «конечно», и «конечно нет». С тех пор он и придерживался этого ответа. Хотя он сомневался, что ему кто-то верил, прозвище «Пробирка» и его вариации оставались в ходу.

Они прошли очередного охранника, большого и агрессивного, сплошь бритая голова и мускулистая упитанность. Он был на несколько лет старше Билли, и звали его Дейн Как-

то Там – судя по тому, что слышал Билли. Билли кивнул и, как обычно, попытался поймать его взгляд. Дейн Этот-Самый, как обычно, проигнорировал скромное приветствие – к непропорциональной обиде Билли.

Но когда дверь закрывалась, Билли заметил, что Дейн признал кое-кого другого. Охранник чуть кивнул напряженному молодому человеку со значком – одержимому, который кратко стрельнул глазами в ответ. Билли заметил это с удивлением, а сразу перед тем, как дверь между ними закрылась, он заметил, что Дейн смотрит на него.

Знакомый Дейна не отвечал на взгляд Билли.

– Чувствуете, как похолодало? – спросил Билли, качая себе головой. Поторопил их через двери с временным замком. – Чтобы остановить испарение. Следим за пожарной безопасностью. Потому что, ну, здесь хватает старого доброго спирта, так что... – он изобразил руками медленный взрыв.

Посетители замерли на месте. Они были в лабиринте экспонатов. Упорядоченных причуд. Километры полок и банок. И в каждой – неподвижно зависшее животное. Даже звук вдруг показался бутилированным, будто кто-то накрыл всех крышкой.

Экспонаты бездумно сосредоточились, некоторые позировали с бесцветными кишками наружу. Камбала в коричневых контейнерах. Банки сгрудившихся и посеревших мы-

шей – гротескные грозди, как маринованный лук. Бедолаги с лишними конечностями, зародыши в загадочных позах. Расставленные аккуратно, как книги.

– Видите? – сказал Билли.

Еще одна дверь – и они увидят то, за чем пришли. Билли по неоднократному опыту знал, как все будет.

Когда они войдут в аквариумный зал – помещение в сердце Центра Дарвина, – он даст посетителям момент без лишней болтовни. Большой зал, обставленный очередными стеллажами. Там были еще сотни бутылок – от тех, что по грудь, до тех, что со стакан воды. Во всех находились траурные морды животных. Линнеевский декор; от класса к классу. Там были стальные баки, шкивы, свисавшие как лозы. Никто и не заметит. Все уставятся на огромный аквариум посреди зала.

Вот ради чего они пришли – ради здоровой розоватой штуковины. Ради всей ее неподвижности; ради ран разложения в замедленном действии, шрамов, туманящих раствор; вопреки съезженным и утраченным глазам, тошнотворному цвету; вопреки выверту мотка щупалец, словно их выжимали. Ради всего этого – вот ради чего они здесь.

А оно так и будет висеть, это абсурдно массивное существо с щупальцами цвета сепии. *Architeuthis dux*. Гигантский кальмар.

– 8,62 метра в длину, – скажет наконец Билли. – Не самый

большой из виденных в истории, но и не карапуз. – Посетители облепят стекло. – Его нашли в 2004 году рядом с Фолклендскими островами. Он находится в растворе из соли и формалина. Аквариум делали те же люди, которые создавали аквариумы для Дэмьена Херста. Ну знаете, куда он поместил акулу? – Все дети придвинутся к кальмару как можно ближе.

– Его глаза были двадцать три или двадцать четыре сантиметра в диаметре, – скажет Билли. Люди прикинут на пальцах, а дети мимикрически распахнут собственные глаза. – Да, как тарелки. Как обеденные тарелки. – Каждый раз, когда он это говорил, представлял собаку из Ханса Кристиана Андерсена. – Но глаза консервировать трудно, поэтому их нет. Мы ввели в них то же вещество, что и в аквариуме, чтобы они не гнили изнутри. Его поймали живым.

За этим снова последуют охи. Мысли про армию щупалец, двадцать тысяч лье, сражение с топором против богомерзости из глубин. Хищный мясной цилиндр – конечности-каналы разворачиваются, с жуткой цепкостью находят корабельный леер.

Ничего подобного. Гигантский кальмар на поверхности был слаб, дезориентирован, обречен. Испуганный воздухом, сокрушенный собственным весом, – он наверняка просто хрипел через сифон и трепыхался, гелевая масса умирания. Но не важно. Его масштаб едва ли можно свести к тому, как все было на самом деле.

Кальмар будет тарашиться просторными и пустыми глазами, а Билли – отвечать на знакомые вопросы: «Его зовут Арчи». «От «Архитевтис». Дошло?» – «Да, хотя мы думаем, что это девочка».

Когда он прибыл, во льду и в защитных покрывах, Билли помогал его разворачивать. Это он массировал мертвую плоть, разминал ткани, чтобы почувствовать, где распространился фиксатор. Билли так им увлекся, что словно каким-то образом его не замечал. Только когда они закончили и поместили тело в аквариум, его и накрыло, реально поразило. Он смотрел, как кальмар преломляется в стекле, если подходить и отходить, – магическое неподвижное движение.

Это был не голотип – не из тех заспиртованных платоновских образцов, которые определяют прочих себе подобных. И все же кальмар был целым, и его никогда не вскроют.

Рано или поздно какое-то внимание посетителей зацепят другие экспонаты. Сложенная лента сельдяного короля, ехидна, колбы с обезьянами. И в конце зала – шкаф со стеклянной дверцей, с тринадцатью баночками.

– Кто-нибудь знает, что это? – скажет Билли. – Давайте я вам покажу.

Они отличались буреющими чернилами и старинной угловатостью почерка на надписях.

– Их коллекционировал непростой человек, – скажет Билли детям. – Можете прочитать? Кто-нибудь знает, что это значит? «Бигль»?

Некоторые схватывали на лету. Если схватывали, то тарасились на подколлекцию, невероятно расставленную на повседневных полках. Зверюшки, собранные, усыпленные, консервированные и каталогизированные во время экспедиции в южноамериканские моря два века назад юным натуралистом Чарльзом Дарвином.

– Это его почерк, – скажет Билли. – Он был молод, еще не пришел к своим реально важным выводам, когда собирал этих. Отчасти они и подали ему идею. Это еще не выюрки², но все началось с них. Скоро будет столетие его путешествия.

Очень редко кто-то пытался поспорить с Билли насчет догадки Дарвина. Билли не поддавался на провокации.

Даже эти тринадцать стеклянных яиц с теорией эволюции и все собранные за столетия крокодилы цвета чая и глубоководные нелепицы не вызывали интереса по соседству с кальмаром. Билли понимал важность этих вещичек Дарвина, пусть ее не понимали посетители. Неважно. Войдите в зал – и вы пересечете радиус Шварцшильда вокруг чего-то необыкновенного, а сингулярностью будет этот труп цефалопода.

Так, знал Билли, все и пройдет. Но в этот раз, открыв дверь, он остановился и несколько секунд просто смотрел.

² *Галапагосские выюрки* – эндемичная группа птиц с Галапагосских островов. Произошли от единого предка, переселившегося несколько миллионов лет назад с материка. Дарвин первым оценил этот факт в контексте теории эволюции.

Подошли посетители, упираясь в его неподвижность. Они ждали, не понимая, что им показывают.

В центре зала было пусто. Все банки взирали на место преступления. Девятиметровый аквариум, тысячи галлонов соленого формалина и сам мертвый кальмар пропали.

Как только Билли поднял переполох, его окружили коллеги – все глазели и требовали объяснить, что происходит и какого черта, где, где хренов кальмар?

Они спешно выпроводили посетителей. Все, что потом помнил Билли об этом торопливом завершении, – как хныкал маленький мальчик, безутешный от того, что ему не показали то, за чем он пришел. Биологи, охранники, кураторы приходили и таращились с глупым выражением на гигантское отсутствие в аквариумном зале. «Что?..» – говорили они, прямо как Билли, и еще «Куда?..».

Разошлись слухи. Люди бегали с места на место, словно что-то искали, словно что-то куда-то завалилось и наверняка найдется под шкафом.

– Он же не мог, он же не мог, – говорила биофизик по имени Джози, и да, нет, не мог, только не исчезнуть – столько метров мяса из пучин не могли просто пропасть. Никаких подозрительных кранов. Никаких гигантских мультяшных дырок в стене в форме аквариума или кальмара. Кальмар не мог быть украден, но все же вот был. Точнее, его-то не было.

На этот случай протокола не имелось. Что делать в случае утечки химикатов – продумано. Если разобьется банка с экспонатом, если не сойдутся результаты, даже если впадет в

буйство участник экскурсии – следуешь конкретному алгоритму. Но это, думал Билли, какого хрена?

Наконец прибыла полиция, ворвалась топчущей толпой. Персонал стоял в ожидании, сгрудившись, будто замерз, будто промок в бентической воде. Офицеры пытались взять показания.

– Боюсь, я не понимаю... – говорили они.

– Его *нет*.

Место преступления было закрыто, но так как Билли обнаружил пропажу, ему разрешили остаться. Он дал показания, стоя рядом с отсутствием. Когда он закончил, а офицер отвлекся, Билли отошел. Наблюдал, как работает полиция. Офицеры смотрели на старинных животных, пялившихся в ответ; на все, что и близко не напоминало гигантский аквариум; на разные места, где никак не могло быть чего-то такого большого и пропавшего, как архитевтис.

Они обошли помещение с рулеткой, словно от них что-то скрывали измерения. Билли не мог предложить ничего умнее. Зал казался огромным. Остальные аквариумы казались брошенными и далекими, экспонаты – извиняющимися.

Билли уставился на раму, где должен стоять аквариум с архитевтисом. Он все еще был на адреналине. Слушал офицеров.

– Ты, блин, что полегче спроси...

– Черт, ты понимаешь, что это значит?

– Даже не начинай. Дай сюда рулетку.

– Seriously, я тебе отвечаю, это глухарь, по-любому...

– Кого-то ждем, приятель? Приятель? – это уже к Билли, наконец-то. Офицер просил его свалить, на грани вежливости. Билли присоединился к остальному персоналу снаружи. Они волновались и бормотали, разбившись примерно по специализациям. Билли видел спор среди директоров.

– О чем они? – спросил он.

– Закрывать музей или нет, – сказала Джози. Она кусала ногти.

– Чего? – Билли снял очки и агрессивно заморгал на директоров. – Что за споры на ровном месте? Какого размера должна быть кража, чтобы закрыться?

– Дамы и господа! – старший полицейский похлопал в ладоши для привлечения внимания. Его окружили офицеры. Они бормотали в свои плечи и слушали их. – Я старший инспектор Малхолланд. Благодарю за терпение и прошу прощения, что вас задержали. – Персонал фыркал, переминался, кусал ногти.

– Я попрошу вас никому *не говорить* об этом, дамы и господа, – сказал Малхолланд. В комнату проскользнула молодая девушка-полицейская. Ее форма была мятой. Она говорила по какой-то гарнитуре, бормоча в пустоту. Билли наблюдал за ней. – Прошу не говорить об этом, – повторил он. Шепот в помещении по большей части стих.

– Так, – сказал Малхолланд после паузы. – Кто обнару-

жил исчезновение? – Билли поднял руку. – Вы, значит, будете мистер Хэрроу, – сказал Малхолланд. – Могу я попросить остальных задержаться, даже если вы уже сообщили нам все, что знаете? Офицеры побеседуют с каждым. Мистер Хэрроу! – Когда персонал подчинился, полицейский подошел к нему. – Я читал ваши показания. Буду благодарен, если покажете мне окрестности. Можете провести по точно тому же маршруту, по которому водили экскурсию? – Билли заметил, что женщина-офицер пропала.

– Что вы ищете? – спросил он. – Вы что, думаете, что найдете его где-то?..

Малхолланд посмотрел на него по-доброму, будто Билли умственно отсталый.

– Улики.

Улики. Билли провел рукой по волосам. Представил отметины на полу, где могла бы стоять какая-нибудь огромная злодейская лебедка. Высыхающие лужицы фиксатора в траектории – обличительной, как крошки. Ну да.

Малхолланд вызвал коллег, и Билли провел их через Центр. Показывал все, что они проходили, в лаконичной пародии на обычную программу. Офицеры тыкали в то да се и задавали вопросы. «Ферментный раствор», – говорил Билли или: «Это расписание».

– Вы в порядке? – спросил Малхолланд.

– Такое непросто осмыслить, понимаете?

Это была не единственная причина, почему Билли посто-

янно оглядывался. Ему казалось, он что-то слышит. Очень слабый стук, звон, как от упавшей и покотившейся мензурки. Слышал он это не впервые. Обрывки этого неуместного звука он улавливал в разные случайные моменты с того самого года, когда начал работать в Центре. Уже не раз Билли в поисках источника открывал дверь в пустую комнату или слышал слабый шорох стекла в коридоре, куда никто не мог войти незамеченным.

Он давно заключил, что эти едва слышимые звуки выдумывал его мозг. Они коррелировали с моментами волнения. Он упоминал об этом феномене другим, и хотя кое-кто реагировал с тревогой, многие рассказывали какие-нибудь истории о собственных мурашках и тиках в нервной ситуации, и Билли сохранял оптимистичный взгляд.

Команда криминалистов в аквариумном зале все еще снимала отпечатки, фотографировала и измеряла столешницы. Билли сложил руки и покачал головой:

– Это все калифорнийские. – Вернувшись туда, где снаружи аквариумного зала ждала большая часть персонала, он тихо перешучивался с коллегой насчет организаций-конкурентов. Насчет диспутов из-за методологии консервации, принявших драматический оборот. – Это все новозеландцы, – говорил Билли. – О’Ши поддался искушению.

Он не поехал прямо к себе в квартиру. Он уже давно договорился встретиться с другом.

Билли знал Леона с тех пор, как они учились в бакалаврате одного и того же института, хоть и на разных факультетах. Потом Леон поступил в докторантуру на литературной кафедре в Лондоне, хотя никогда об этом не рассказывал. С тех пор он работал над книгой под названием «Необычайное цветение». Когда Леон об этом рассказал, Билли ответил:

– Я и не знал, что ты участвуешь в Олимпиаде по херовым названиям.

– Если бы ты вынырнул из своего болота невежества, то понял бы, что название задумано, чтобы бесить французов. Оба слова не переводятся нормально на их нелепый язык.

Леон жил на такой дальней окраине Хокстона, что она с трудом считалась Хокстоном. Он развлекался в своей роли Вергилия для Данте-Билли – водил Билли на арт-хэппенинги или рассказывал о тех, которые тот не смог посетить, преувеличивал и врал об их последствиях. По их раскладу Билли оставался в вечном долгу анекдотов – всегда торчал Леону байки. Леон – тощий, бритоголовый и в дурацкой куртке – сидел на холоде снаружи пиццерии, вытянув длинные ноги.

– Где ты был всю мою жизнь, Ричмал? – вскричал он. Он уже давно решил, что голубоглазого Билли называли в честь другого скверного мальчишки – Уильяма из «Этого Уильяма», – и нелогично окрестил его в честь автора книги.

– В Чиппинг-Нортоне, – сказал Билли, погладив Леона по голове. – В Тейдон-Буа. Как твоя жизнь ума?

Подставилась для поцелуя Мардж – партнер Леона. Блес-

нуло распятие, которое она всегда носила.

Он встречался с ней всего несколько раз.

– Из тех, кто не затыкается о боге? – спросил Билли у Леона после знакомства с ней.

– Да нет. Училась в монастырской школе. Отсюда и муки совести в форме Иисуса на сиськах.

Она – как водилось с девушками Леона – была привлекательной и немного грузной, чуть старше Леона – слишком старой для своей разбавленной эмо-готской внешности.

– Говори, на свой страх, «рубенсовская» или «корпулентная».

– Какая, блин? – спросил Билли.

– И пошел ты со своим «старовата»! Поли Перретт куда старше.

– Кто, блин?

Мардж работала на полставки в Саутваркском жилотделе и занималась видеоартом. С Леоном познакомилась на концерте какой-то нойзовой группы в галерее. Леон парировал шутку Билли про «Симпсонов» и ответил, что она из тех людей, которые меняют имя во взрослом возрасте, что Мардж – это сокращение от «Маргиналия».

– Чего-чего? А как ее зовут по-настоящему?

– Билли, – отвечал тогда Леон. – Ну чего ты разнуделся?

– Мы тут наблюдали за странной компашкой голубей на берегу, вот чем мы занимались, – сказал Леон, когда Билли сел.

– Спорили о книжках, – сказала Мардж.

– Самый лучший спор, – ответил Билли. – В чем суть?

– Не сбивай с мысли о голубях, – сказал Леон, но Мардж уже отвечала:

– Вирджиния Вульф против Эдварда Лира.

– Господи всемогущий! – сказал Билли. – А можно всех посмотреть?

– Я выбрал Лира, – сказал Леон. – Отчасти из преданности букве «Л». Отчасти потому, что при выборе между дичью и буржуазной болтологией нужно беспардонно выбирать дичь.

– Ты, очевидно, не читал глоссарий к «Трем гинеем», – сказала Мардж. – Хочешь дичи? Она называла солдат «потрахателями», слово «героизм» приравняла к «ботулизму», а слово «герой», соответственно, – к «бутылке».

– Лир? – спросил Билли. – Реально? В Стране Бредовых Фантазий живет Фантастический Бред. – Он снял очки и зажал переносицу. – Ладно, что я вам сейчас расскажу. Коро-че, – сказал он наконец, но обнаружил, что мысли тормозят. Леон и Мардж смотрели на него.

Билли попробовал опять. Тряхнул головой. Цокнул языком, будто что-то застряло во рту. Наконец пришлось чуть ли не проталкивать информацию сквозь зубы.

– Пропал один из... пропал наш гигантский кальмар, – произнес он с ощущением, словно пробил какую-то крышку.

– Что? – сказал Леон.

– Я не... – сказала Мардж.

– Нет, я и сам понимаю не больше вашего. – Он рассказал все, шаг за невероятным шагом.

– Пропал? Что значит «пропал»? Почему я ничего не слышал? – спросил наконец Леон.

– Не знаю. Я сам думал, что... В смысле, полиция попросила нас держать это в тайне, – упс, что же я наделал? – но я не ожидал, что это действительно сработает. Я думал, к этому моменту «Стандарт» уже напечатает отдельный выпуск.

– Может, это – как оно там называется – Уведомление «Д»?³ – спросил Леон. – Ну знаешь, когда журналистам запрещают о чем-нибудь говорить?

Билли пожал плечами:

– Они же не смогут... Половина тургруппы небось уже весь Интернет заспамил.

– Наверняка кто-нибудь уже зарегистрировал «пропал_большой_кальмар_точка_ком», – сказала Мардж.

Билли пожал плечами:

– Может. Слушайте, когда я шел, я думал – может, не стоит... Я сам вам едва смог рассказать. Очевидно, на меня нагнали страху. Но главное тут не запреты на разглашение, главное – этот самый нюанс «совершенно невозможно».

Тем вечером, пока он возвращался домой, началась гроза – страшная, которая наполняет воздух скверным электри-

³ Термин «D-Notice», где «D» происходит от Defense, «оборона». Запрет на разглашение некоторых тем для СМИ.

чеством. Тучи сделали небо темно-бурым. Крыши обтекали, как писсуары.

Когда Билли вошел в квартиру в Харрингее – ровно в секунду, когда он переступил порог, – зазвонил телефон. Он уставился в окно на мокрые деревья и крыши. На крыше с другой стороны улицы вокруг какой-то задрипанной белки кружила поземка. Белка качала головой и смотрела на него.

– Алло? – сказал он. – Да, это Билли Хэрроу.

– ... (неразборчиво), не торопился ты домой, блин. Ну так что, придешь, да? – сказала женщина на линии.

– Стоп, что? – Белка все еще тарасилась на него. Билли показал ей средний палец и одними губами сказал: «Съеби». Отвернулся от окна и попытался не отвлекаться. – Это, простите, кто?

– Ты там чем слушаешь? Больше сам болтать горазд, чем слушать, да? Это полиция, приятель. Завтра. Уяснил?

– Полиция? – спросил он. – Мне вернуться в музей? Вы хотите...

– *Нет.* Участок. Твою мать, бананы из ушей вынь! – Молчание. – Ты еще там?

– Слушайте, мне не нравится ваш...

– Ага, а мне не нравится, что ты треплешься направо и налево, когда тебе ясно сказали молчать. – Она назвала адрес. Он нахмурился и записал на каком-то меню от ресторана навынос.

– Где? Это же *Крикловуд*. Где он – и где музей. Что за?..

Зачем посылать в музей людей из такой дали?..

– На сегодня все, приятель. Просто езжай. Завтра. – Она дала отбой и оставила его таращиться на трубку посреди стылой комнаты. Окна звучали на ветру так, будто выгибались. Билли таращился на трубку. Его раздражало, что он чувствовал себя обязанным подчиниться приказу.

Билли снились кошмары. И не только ему. Но пока он никак не мог знать, что в постелях от страха потело полгорода. Во сне метались сотни людей, не знавших друг друга, не сверявших друг с другом симптомы. Погода тут была ни при чем.

Путь неблизкий – до этой встречи, куда ему приказали явиться и которую он, притворяясь перед самим собой, подумывал проигнорировать. Еще он подумывал – или снова притворился, что подумывал, – позвонить отцу. Естественно, не позвонил. Начал набирать Леона, но, опять же, не набрал. Ему нечего было прибавить к тому, что он уже говорил. Хотелось рассказать об исчезновении, об этой странной краже кому-нибудь еще. Мысленно провел пробы слушателей этого телефонного звонка, но энергия собственно позвонить, что-нибудь сказать все время утекала, покидала его раз за разом.

Белка так там и сидела. Он не сомневался, что это тот же самый зверек, который следил за ним из-за стока вчера, как окопавшийся солдат. Билли не пошел на работу. Даже не знал, пойдет ли вообще кто, и не звонил проверить. Он так никому и не позвонил.

Наконец – поздно, когда небо стало серым и плоским, и позже, чем пожелала его невежливая собеседница, в ка-

ком-то вялом жесте псевдонеповиновения, — он отправился из своего квартала у коммерческого склада рядом с Мэйнор-Хаус до остановки 253-го автобуса. Шел по шуршащим фантикам, по газетам, по флаерам, призывавшим к воздержанию, которые ветер срывал один за другим с кем-то выброшенной стопки. В автобусе он смотрел на низкие плоские крыши автобусных депо — пьедесталы для листьев.

В Камдене он сел на метро, потом снова поднялся к другому автобусу. Постоянно проверял мобильник, но все, что пришло, — одно сообщение от Леона: «Че, теряли еще сокровища??» На последнем отрезке пути Билли глядел на лондонские районы, которые не знал, но которые казались назойливо знакомыми со своими второсортными предприятиями и дешевыми едальнями, фонарями, где весь год болтались, как странное белье, уличные рождественские украшения, то ли прилежно повешенные заранее, то ли оставшиеся несобранными. Он ехал в наушниках, слушал дисгармонию из MIA и подающей надежды рэп-звезды. Билли удивлялся, почему не подумал потребовать, чтобы полиция просто сама приехала за ним, если уж им восхотелось устроить штаб в этой нелепой нехоженой глуши.

Пока Билли шел пешком, даже в наушниках его напугал звук. Впервые он услышал или вообразил этот стеклянный звук вне коридоров Центра Дарвина. Освещение тем ранним вечером было какое-то не такое. «Все наперекосяк», — подумал он. Словно жирное веретено тела архитевтиса стояло в

каком-то пазу и что-то поддерживало. Билли чувствовал себя как незапертая и колотящаяся на ветру ставня.

Участок находился рядом с большой улицей и был куда крупнее, чем он ожидал. Одно из тех очень уродливых лондонских зданий из горчичных кирпичей, которые, вместо того чтобы величественно стареть, как их красные викторианские предки, вообще не ветшают, а просто становятся все грязнее и грязнее.

Он долго ждал в приемной. Дважды вставал и требовал Малхолланда. «Вас скоро вызовут, сэр», – сказал первый офицер, которого он спрашивал. «Кого-кого позвать?» – переспросил второй. Билли все больше и больше раздражался, листая старые журналы.

– Мистер Хэрроу? Билли Хэрроу?

К нему подошел не Малхолланд. Это был маленький, плюгавый и очень ухоженный человек. Лет пятидесяти, в штатском – устаревшем коричневом костюме. Руки он держал за спиной. Ожидая ответа, он не раз качнулся на пятках – маленький танцевальный тик.

– Мистер Хэрроу? – спросил он голосом тоненьким, как его усики. Пожал Билли руку. – Я старший инспектор Бэрн. Вы общались с моим коллегой, Малхолландом?

– Да. Где он?

– Да нет. Его здесь нет. Дело перешло ко мне, мистер Хэрроу. Что-то в этом роде. – Он склонил голову: – Приношу извинения за то, что заставил ждать, и большое спасибо за

то, что пришли.

– В смысле – переходит к вам? – спросил Билли. – Женщина, которая говорила со мной вчера вечером, не... Если честно, она вообще какая-то хамка.

– Впрочем, раз мы заняли вашу лабораторию, – сказал Бэрон, – куда вам еще пойти, а? Надо думать, пока мы не закончим, боюсь, заворачивать свои банки вы не сможете. Представьте себе, что вы в отпуске.

– Серьезно, в чем дело? – Бэрон вел Билли по коридорам с лампами дневного света. Здесь Билли осознал, какие у него грязные очки. – Почему дело перешло к вам? И вы в такой дали... В смысле, без обид...

– В любом случае, – сказал Бэрон, – обещаю, что не задержим вас дольше чем нужно.

– Не понимаю, чем могу вам помочь, – сказал Билли. – Я уже рассказал вашим все, что знал. В смысле, Малхолланду. Он где-то прокололся? Вы за ним подчищаете?

Бэрон остановился и повернулся к Билли.

– Прямо как в кино: все вот это, да? – сказал он. Улыбнулся: – Вы говорите: «Но я же все рассказал вашим офицерам», – а я говорю: «Ну, а теперь расскажете мне», – и вы мне не доверяете, и сперва мы оба темним, а через несколько вопросов вы говорите с шокированным видом: «Вы думаете, что замешан я?» И так будем ходить кругами.

Билли лишился дара речи. Бэрон продолжал улыбаться.

– Заверяю вас, мистер Хэрроу, – сказал он, – вас никто не

подозревает. Честное бойскаутское. – Он поднял ладонь.

– Я и не думал... – выдавил Билли.

– Теперь, раз мы разобрались, – сказал Бэрн, – как думаете, может, пропустим дальнейший сценарий и вы мне просто поможете? Вот и чудненько, мистер Хэрроу, – напел он своим голосом. – Вот и миленько. А теперь закончим с этим.

Билли впервые оказался в допросной. Все прямо как в телевизоре. Маленькая, бежевая, без окон. С другой стороны стола были женщина и еще один мужчина. Мужчина – лет сорока, высокий и властный. В непримечательном темном костюме. Лысоват, подстрижен под корень. Он сложил тяжелые руки и смерил Билли ровным взглядом.

Первое, на что Билли обратил внимание в женщине, – молодость. Она казалась вчерашним подростком. Это она, осознал Билли, та самая полицейская, которая мелькнула в кратком cameo в музее. На ней была синяя униформа Столичной полиции, но носила она ее куда более неформально, чем, можно подумать, положено по уставу. Не застегнута, как бы накинута. Чистая, но в складках, латках и наворотах. И макияжа на девушке было больше, чем можно представить допустимым, а светлые волосы – в модной и растрепанной прическе. Она казалась ученицей, которая подчиняется букве, но бунтует против духа правил школьной формы. Она на него даже не взглянула, и он не мог разглядеть ее лицо лучше.

– Ну ладно, – сказал Бэрн. Второй мужчина кивнул. Мо-

лодая полицейская стояла, прислонившись к стене, и возилась с мобильным телефоном.

– Чай? – спросил Бэрн, показывая Билли на стул. – Кофе? Абсент? Шучу, конечно. Я бы сказал: «Сигарета?» – но в наши дни, сами понимаете.

– Нет, ничего, – сказал Билли. – Я бы только...

– Конечно-конечно. Ну-с. – Бэрн сел, достал из карманов клочки бумаги и что-то в них поискал. Безалаберность казалась неубедительной. – Расскажите о себе, мистер Хэрроу. Вы вроде бы куратор?

– Ну да.

– И это значит?..

– Консервация, каталоги, все в таком духе. – Билли тербил очки в руках, чтобы не смотреть никому в глаза. Он пытался определить, куда смотрит девушка. – Консультация о стендах, сохранение всего в хорошем качестве.

– Всегда этим занимались?

– В общем, да.

– И... – Бэрн прищурился на записку. – Мне сообщили, что это вы подготовили кальмара.

– Нет. Все мы. Я... Это командная работа. – Второй мужчина сидел рядом с Бэрном, ничего не говорил и смотрел на свои руки. Девушка вздохнула и ткнула в телефон. Казалось, она во что-то играет. Она поцокала языком.

– Вы же были в музее, да? – спросил ее Билли. Она бросила взгляд. – Это вы мне звонили? Вчера? – Ее уайнхаусов-

ская прическа запоминалась. Она ничего не ответила.

– Вы... – Бэрон показывал на Билли ручкой, все еще листая бумаги, – скромничаете. Это вы спец по спрутам.

– Не понимаю, что вы имеете в виду. – Билли поерзал. – Когда приходят такие вещи, понимаете... Мы все над ними работаем. И стар и млад. В смысле... – Он описал руками в воздухе огромность.

– Ну-ну, – сказал Бэрон. – Вы же умеете с ними управляться, да? – Он поймал взгляд Билли. – О вас все так говорят.

– Не знаю, – пожал плечами Билли. – Я люблю моллюсков.

– Какая очаровательная скромность, молодой человек! – сказал Бэрон. – Но вы никого не обманете.

Кураторы работали со всей таксономией. Но в Центре считалось за факт, что моллюски Билли – особенные. Ударение здесь могло быть на обоих словах – «моллюски *Билли*» и «*моллюски* Билли», которые отличались чистотой раствора, которые занимали и держали особенно драматичные баночные позы. Глупость, конечно: нельзя быть лучше в консервации каракатицы, чем в консервации геккона или домашней мыши. Но шутка не умирала, потому что в ней была только доля шутки. Хотя, сказать по правде, вначале Билли был довольно криворук. Успел наколотить немало мензурок, пробирок и колб, мокро шлепнул на лабораторный пол не одно мертвое животное, прежде чем довольно внезапно наловчился.

– При чем здесь это? – спросил Билли.

– Это при следующем, – сказал Бэрн. – Понимаете, мистер Хэрроу, вас попросили снизойти к нам – или подняться, смотря как держать карту, – по двум причинам. Первое – вы человек, который обнаружил пропажу гигантского кальмара. И второе – кое-что более конкретное. Кое-что, что вы упоминали.

Знаете, должен вам признаться, – продолжал Бэрн. – Я никогда не видел ничего подобного. В смысле, я слышал о конокрадстве. О похищениях собак, конечно же. Пара кошек. Но... – Он хохотнул и покачал головой. – Теперь вашим стражам придется держать ответ, верно? Надо думать, у вас, как в таких случаях полагается, ищут козла отпущения.

– Дейн и остальные? – спросил Билли. – Наверно. Не знаю.

– Вообще-то я говорил не о Дейне. Интересно, что вы называли его. Я имел в виду, как говорится, *другую* стражу. Но Дейну Парнеллу и его коллегам, разумеется, тоже несладко. Но о них позже. Узнаете это?

Бэрн придвинул по столу страницу из блокнота. На ней был рисунок, слабо напоминающий астериск. Два луча, длиннее остальных, завивались на конце.

– Ага, – сказал Билли. – Это нарисовал я. Это было у одного парня с экскурсии. Я нарисовал это для человека, который допрашивал меня вчера.

– Вы знаете, что это, мистер Хэрроу? – спросил Бэрн. – Можно перейти на «ты»? Знаешь?

– Откуда? Но парень с этой штукой – он все время находился при мне. У него не было времени отойти и сделать что-нибудь, ну знаете, подозрительное. Я бы заметил...

– Ты видел это раньше? – заговорил второй мужчина, впервые. Он сцепил руки так, словно от чего-то сдерживался. Его акцент был внеклассовым и без регионального говора – настолько нейтральный, что словно искусственно выученный. – Не *наводит на мысли*?

Билли помедлил.

– Простите, – сказал он. – А можно я... Вы кто?

Бэрон покачал головой. Здоровяк не изменился в лице, только медленно моргнул. Девушка оторвалась от телефона – наконец-то – и насмешливо цыкнула зубом.

– Это Патрик Варди, мистер Хэрроу, – сказал Бэрон. Варди стиснул пальцы. – Варди помогает в нашем расследовании.

«Без звания», – подумал Билли. Все полицейские, кого он встречал, были «констебль Имярек», «детектив-констебль Такой-то», «инспектор Сякой-то». Но не Варди. Варди встал и отошел к стене, из поля зрения, сделавшись неактуальной темой.

– Так ты *видел* это раньше? – спросил Бэрон, постучав по бумажке. – Каракули ничего не вызывают в памяти?

– Не знаю, – сказал Билли. – Вряд ли. Что это? Мне скажут?

– Ты сообщил нашим кенсингтонским коллегам, что чело-

век с этим рисунком выглядел – цитирую – «накрученным» или как-то так? – спросил Бэрн. – Что скажешь?

– Ну да, сообщил Малхолланду, – сказал Билли. – Как, говорите, вас зовут? – спросил он у Варди, но тот не ответил. – Я не знаю, странный был этот парень или нет, – сказал Билли Бэрону. Пожал плечами: – Иногда на кальмара приходят посмотреть всякие...

– В последнее время видел их чаще? – спросил Бэрн. – Этих... э-э... чудиков? – Варди наклонился и что-то проворчал инспектору на ухо. Тот кивнул. – Людей, которые необычно себя ведут?

– Спрутолюбов? – сказал Билли. – Не знаю. Наверно. Была парочка в костюмах или странной одежде.

Девушка что-то записала. Он наблюдал за ней.

– Ладно, теперь скажи вот что, – продолжил Бэрн. – Происходило ли в недавнее время что-нибудь странное снаружи музея? Может быть, раздавали интересные листовки, проходили пикеты? *Протесты*? Не обращал внимание на какие-нибудь еще интересные украшения у каких-нибудь еще посетителей? Знаю, я так спрашиваю, будто ты сорока, выслушиваешь все блестящее. Но сам понимаешь.

– Нет, – сказал Билли. – Не понимаю. Бывает, снаружи собираются психи. А про этого парня спрашивайте Дейна. Парнелла. – Билли пожал плечами: – Как я говорил вчера, по-моему, он его узнал.

– Мы, разумеется, хотели бы переговорить с Дейном Пар-

неллом. Насчет того, что они с мистером Таинственным Значком друг друга знают, и всем прочем. Но мы не можем... – Варди прошептал ему еще что-то, и Бэрон продолжил: – Потому что, почти как экспонат, за которым ему было поручено присматривать, – и, разумеется, как человек со значком, – Дейн Парнелл исчез.

– Исчез?

Бэрон кивнул.

– Местонахождение неизвестно, – сказал он. – По телефону не отвечает. Ищут пожарные, ищет полиция. И почему это он исчез? Нам *очень интересно* узнать, что у него найдется в ответ на наши вопросы.

– Ты с ним разговаривал? – резко спросила полицейская. Билли подскочил на стуле и уставился на нее. Она подбоченилась. Говорила быстро, с лондонским акцентом: – Ты же у нас вообще любишь поболтать, да? Разбалтываешь что ни попадя.

– Чего?.. – сказал Билли. – Мы и десяти слов друг другу не сказали с тех пор, как он начал там работать.

– Чем он занимался ранее? – спросил Бэрон.

– Я *понятия* не имею...

– Только послушай, как вертится! – девушка как будто была в восторге.

Билли моргнул. Он попытался свести все к шутке, улыбнулся, надеялся, что она улыбнется в ответ, – не дождался.

– Если честно, – сказал Билли, – он мне даже не нравится.

Слишком резкий. Даже не здоровался. Какие тут еще разговоры.

Бэрон, Варди и девушка безмолвно переглянулись. Пообещались о чем-то с помощью поднятых бровей и поджатых губ, нескольких быстрых кивков.

Бэрон медленно произнес:

– Ну, если что-нибудь вспомните, мистер Хэрроу, дайте нам знать.

– Ну да. – Билли потрянул головой: – Да, обязательно. – Он поднял руки в знак капитуляции.

– Умница. – Бэрон встал. Дал Билли визитку, пожал руку так, словно благодарность была искренней, показал на дверь: – Никуда не уезжай, ладно? Возможно, мы захотим поговорить еще раз.

– Ага, наверняка захотим, – сказала девушка.

– А что значит – «человек со значком исчез»? – спросил Билли. Бэрон пожал плечами:

– Все и вся испаряются, верно? Не то чтобы он действительно «исчез»; это бы означало, что он вообще был. Для брони экскурсии ваши посетители должны оставлять телефонный номер. Мы обзвонили всех, кого вы вчера сопровождали. И господин с этой искоркой на лацкане, – Бэрон щелкнул по узору. – Эд, как он назвался на вашей стойке. Да, Эд. Он дал незарегистрированный номер, по которому никто не отвечает.

– Спешите к своим книгам, Билли, – сказал Варди, когда

Билли открыл дверь. — Я в тебе разочарован. — Он постучал по бумаге: — Посмотри, что тебе могут показать Куби Дерри и Морри. — Слова были странные, но и странно знакомые.

— Подождите! Что? — спросил Билли из дверей. — Что вы сказали? — Варди только отмахнулся.

Пораженно сплавляясь обратно на юг, Билли пытался и не мог для себя объяснить эту встречу. Его не арестовали; он мог уехать в любой момент. Он держал в руке телефон, уже готовый осыпать тирадами Леона, но снова не позвонил по причинам, которые не мог облечь в слова.

Как и не поехал домой. Вместо этого Билли, охваченный нескончаемым ощущением, что за ним следят, направился в центр Лондона. Сменял кафе за книжным кафе, листал книжки в мягких обложках.

Телефон у него был без интернет-соединения, и он не взял с собой ноутбук, так что не мог проверить свою догадку насчет того, что, несмотря на его признание вчера вечером, в новостях нет информации об исчезновении кальмара. Лондонские газеты этого точно не осветили. Он не ел, хотя гулял допоздна, часами, — настолько, что сперва был вечер, а потом начало ночи. Ничем особенным он не занимался — просто угрюмо размышлял и впадал во фрустрацию, не звонил в Центр, только пытался рассмотреть все возможности.

Что возвращалось к нему раз за разом, что все эти часы глодало больше и больше, — имена, которые называл Вар-

ди. Билли нисколько не сомневался, что уже их слышал, что они для него что-то значат. Он пожалел, что не настаивал на разъяснении, он даже не знал, как их правильно писать. Сидя в кафе, он заливался чаем, перебирая варианты на обрывках – «куби дерри», «морри», «морэ», «кобадара» и так далее.

«Есть что поискать, блин», – думал он.

По дороге домой на автобусе его внимание привлек – и он сам не знал почему – мужчина в хвосте салона. Билли пытался понять, что же такого заметил. Никак не мог его разглядеть.

Мужчина был большим и плечистым, в капюшоне, глядел в пол. Когда бы Билли ни поворачивался, тот либо сутулился, либо отворачивался в окно. Все, что они проезжали, пыталось захватить взгляд Билли.

За ним как будто наблюдали и ночные звери, и городские здания, и каждый пассажир. «У меня не должно быть такого странного ощущения», – подумал Билли. И у всего вокруг – тоже не должно. Он посмотрел на мужчину и женщину, которые только что сели в автобус. Представил, как пара проходит прямо сквозь металлическое сиденье сзади него и исчезает.

За автобусом по пятам следовала стая голубей. Им уже было время спать. Они летели, когда автобус ехал, останавливались, когда останавливался он. Билли жалел, что у него нет с собой зеркала, чтобы смотреть не поворачиваясь, чтобы увидеть ускользающее лицо этого мужчины сзади.

Они ехали на верхнем уровне, над самым аляповатым неоном Лондона, у низких крон и окон второго этажа, верхушек уличных знаков. Светлые зоны были противоположны своим океанским родственницам – поднимались в темноту, а не проникали сверху. Улица, где сияли фонари и царила флуоресценция витрин, была самым мелким и светлым местом, а небо – бездной, пронзенной звездами как биолюминесценцией. На верхнем этаже автобуса они находились на краю пучин, на кромке дисфотической зоны, во мраке которой терялись пустые офисы. Билли смотрел вверх, в глубокую ночь, словно вниз, в морскую впадину. Человек за ним тоже смотрел вверх.

На следующей остановке – не своей – Билли дождался, пока закроются двери, а потом рванул вниз по лестнице с криками: «Стойте, стойте, простите!»

Автобус его высадил и углубился во тьму, как подводная лодка. В грязном окне в хвосте автобуса Билли видел, как прямо на него смотрит тот мужчина.

– Блин, – сказал Билли. – Блин.

Он выкинул перед собой руку в защитном жесте. Стекло изогнулось, и мужчина в удаляющемся автобусе отдернулся. Очки Билли задрожали на носу. Он больше не видел, чтобы за окном – за трещиной, которая вдруг его рассекла, – кто-то двигался. Тот, кого он заметил, был Дейном Парнеллом.

Той странной глухой ночью Билли засиделся допоздна. Задвинул шторы в гостиной, представляя, как, пока он роется в ноутбуке, за ним наблюдает неприглядная белка. Зачем Дейн за ним следил? Как? Билли попытался думать как детектив. Получилось так себе.

Он мог позвонить в полицию. Он не видел, чтобы Дейн совершал преступление, но все же... Надо бы. Надо бы позвонить Бэрону, как тот просил. Но, несмотря на свой дискомфорт, читай «страх», Билли не хотел этого делать.

Во всем общении с Бэроном, Варди и девушкой был такой странный игровой аспект. Казалось совершенно очевидным, что его разыгрывают, держат за дурачка, что от него утаивают информацию, что о нем вообще не задумываются за пределами роли, которую уготовили в своих непроницаемых целях. Ему не хотелось замешиваться. Или – или – ему хотелось разобраться самому.

В итоге проспал он очень мало. Наутро он обнаружил, что получить доступ в Центр Дарвина не так сложно, как он представлял. Двое полицейских на входе не очень-то им заинтересовались и взглянули на пропуск для проформы. Прервали его аккуратно продуманную историю о том, что пришлось возвращаться, чтобы разобраться на столе кое с чем, что не может подождать, но он быстренько и осторожно и

бла-бла. Просто пропустили.

– Не ходить в аквариумный зал, – сказал один из них. «Ну и ладно, – подумал Билли. – Ну и пожалуйста».

Он что-то искал, но понятия не имел что. Мешкал у репорт и раковин, у пластмассовых контейнеров с диафанированной рыбой – с невидимой из-за ферментов плотью, с посиневшими костями. Общая комната была забита стопками афиш для «Проекта «Бигль» – возвращения в те критические первые дни путешествий Дарвина, их воссоздания в плавучей лаборатории, китчево подделанной под «Бигль».

– Эй, Билли, – сказала Сара, другой куратор, которой тоже по какой-то причине дали допуск. – Слышал? – Она огляделась и понизила голос, сообщила какой-то настолько мимолетный и безвкусный слух, что тот вылетел в другое ухо еще до того, как она договорила. Самопорождающийся фольклор. Билли кивал, как будто соглашался, качал головой, как будто из-за шокирующей возможности, – о чем бы она там ни говорила.

– А слышал, – сказала она среди прочего, – Дейн Парнелл исчез?

Вот *это* он слышал. По спине Билли снова пробежал холодок, как прошлым вечером, когда он видел Дейна в каких-то метрах от себя, за стеклом автобуса.

– Я тут говорила с одним полицейским, который дежурит в аквариумном зале, – сказала Сара, – и он говорил, они что-то слышали с тех пор, как, ну знаешь, это случилось. Ка-

кой-то звон.

– Бу-у-у, – изобразил Билли привидение. Она улыбнулась. Но подумал он: «Это же мои галлюцинации». Его как обокрали. Полиция слышит его воображение.

Он залогинился на рабочем компьютере и стал искать-пробовать бесконечные варианты имен, которые назвал Варди, сверяясь со своей исписанной бумажкой и вычеркивая одно за другим. В конце концов он ввел интерпретации «Кубодера» и «Мори». «Ох ты ж, – прошептал он. Уставился на экран и откинулся. – Ну конечно».

Неудивительно, что эти имена так дразнили. Теперь ему стало даже стыдно. Кубодера и Мори – исследователи, которые несколько месяцев назад первыми сняли на камеру гигантского кальмара в среде обитания.

Он скачал их статью. Снова просмотрел фотографии. «Самые первые наблюдения живого гигантского кальмара в природе» – так называлась статья, как будто «Известия Королевского общества» захватил десятилетка. Самые-пресамые.

Распечатки этих фотографий висели над столом у многих коллег. Когда их только выпустили, Билли сам пришел в офис с двумя бутылками «Кавы» и предложил, чтобы сегодняшний день отныне и впредь стал ежегодным праздником – Днем спрута. Потому что эти фотографии, как он тогда говорил Леону, – просто-таки историческая хрень.

Больше всего прославился первый, который показывали в

новостях. В темной воде почти на километровой глубине в глаза бросался восьмиметровый кальмар. Его щупальца расцветали, изгибаясь слева и справа от наживки на леске-перспективе. Но Билли уставился на второй снимок.

Снова спущенная леска, снова животное в зловещей воде. Но в этот раз анфас. Его поймали почти в идеальном радиальном всплеске рук, по центру – пасть. Две охотничьих конечности – длинных, с весловидными лопастями на конце – изгибались во тьму.

Взрыв щупалец. Эта фотография опровергала все теории-поклепы о том, что архитевтис – ленивый хищник, по случайности растопыривший щупальца в глубоководной летаргии, чтобы в них угодила беспечная жертва; охотник не больше, чем какая-нибудь безмозглая медуза.

Этот образ пестовали фанаты *Mesonychoteuthis* – «колоссального кальмара», огромного и коренастого конкурента архитевтиса. Который – мезонихотевтис – да, тоже в недавнее время представал пред объективами фотоаппаратов и камер с высоким и исторически необычным энтузиазмом. И да, это было устрашающее создание. Действительно, его масса больше, мантия – длиннее; правда, щупальца хватали не присосками, а жестокими, по-кошачьи изогнутыми когтями. Но, несмотря на свою форму, несмотря на все его ТТХ в сравнении с архитевтисом, ему никогда не быть *гигантским кальмаром*. Так, монстр-парвеню. Отсюда столько показухи от тех, кто его исследовал, стремившихся принизить извеч-

ного кракена в пользу своего нового любимчика: «не имеющий равных», «еще больше», «на порядки злее».

Но взгляните на снимки Кубодеры/Мори. Едва ли хилый оппортунист, которого выдумали хейтеры. Архитевтис не ждал и не прохлаждался. Архитевтис надвигался, вырывался из бездны, охотился.

Билли уставился на экран. Десять щупалец – пять пересекающихся линий, две – длиннее остальных. Серебристый узор на значке, который он видел, – это нападающий монстр. С точки зрения жертвы.

Он ходил по коридорам с бумагами, чтобы казалось, будто он идет откуда-то куда-то. Входил в комнаты, в которые можно было входить, кивал полицейским на страже у тех, в которые было нельзя. Несмотря на откровение, он по-прежнему не знал, что надеялся найти.

Перешел из Центра Дарвина в главный музей. Там он полиции не видел. Прошел по маршруту, которым ходил в детстве: мимо глазающего ихтиозавра, каменных аммонитов, мимо места, где теперь кафе. Наконец там, посреди всего и всех, ему показалось, что он как будто слышал звук. Звон катящейся банки. Очень слабый.

Тот донесся – или показалось, что донесся, поправил себя Билли, – из-за двери для персонала, ведущей вниз, в складские помещения и подкоридоры. Он прислушался, с толпой за спиной. Ничего не услышал. Ввел код и спустился.

Билли шел по подземным переходам без окон. Говорил себе, что сам не верит, будто выслушивает что-то настоящее. Что, какой бы намек он ни искал, раздавался тот только в голове. «Ну хорошо, – сказал себе Билли. – Тогда сдаюсь. Что я ищу? Что тебе – что мне – тут надо?»

Когда он проходил мимо охранников и кураторов, те поднимали руки в коротком приветствии. Помещения и коридоры были заставлены промышленными стеллажами с картонными коробками, жирно подписанными ручкой; стеклянными витринами – пустыми или полными лишних экспонатов; бумагами; ненужной мебелью. Под трубами отопления, у высоких кирпичных стен и столбов, Билли снова слышал звук. Из-за угла. Он пошел по нему, как по хлебным крошкам.

Коридор раскрылся – не в комнату, но во внезапный большой холл. Тот был доверху набит таксидермией – склеп викторианы. Со стен, как сотня Фалад, смотрели головы млекопитающих; бизон, застоявшийся, как стареющий солдат, рядом с гипсовым игуанодоном и обтерханым эму. Роща консервированных шей жирафов, их головы – лесной полог.

Дзинь, звяк. Под лампами дневного света чучела отбрасывали резкие тени. Билли слышал еще один тихий звук. Он доносился из темноты у стены, глубоко из подлеска экспонатов.

Билли сошел с тропы. Углубился через неподатливые старинные тела, пробивался в чашу звериных останков. Поднял взгляд, словно на птиц, и продолжал путь к беленым стенам.

Других звуков он не слышал – только собственные усилия и шорох одежды по высохшим шкурам. Обошел стопку запчастей бегемотов и вдруг вышел на то, что признал не сразу.

Стекло – старая стеклянная емкость больше всех, что он видел. Цилиндр по грудь, с крышкой, с фестончатым основанием, с фиксатором цвета мочи и экспонатом, на который Билли и уставился. Внутри грубо впихнули что-то слишком крупное для емкости. Полинявшее, прижавшееся к стеклу глазами и лапами, с висящей, как раскрытые крылья, драной шкурой, – но Билли и сам уже отрицательно качал головой.

Он видел: то, что он принял за шкуру, – рваная рубашка; то, что он принял за линьку, – безволосье и разбухание; и что, *о Боже ты мой Всемогущий*, прямо на него смотрел, со сломанным носом, размазавшись по внутренностям контейнера, человек.

Билли не путался у полиции под ногами. Даже вызвал ее не он. В первые моменты ужаса, когда он, забыв как дышать, рванул вверх, ему не пришло в голову позвонить. Он просто побежал к двум офицерам у Центра Дарвина и закричал: «Быстро! Быстро!»

Их полку тут же прибыло, полицейские отгородили еще больше территории музея, объявили подвал вне зоны доступа. Сняли у Билли отпечатки пальцев. Налили горячего шоколада от шока.

Никто его не допрашивал. Посадили в конференц-зал и

велели не уходить, но никто не интересовался, как он нашел то, что нашел. Билли ждал рядом с потолочным проектором, телевизором на подставке с колесиками. Прислушивался, как разгоняют музей, испуг толпы.

Больше хотелось одиночества, чем свежего воздуха. Хотелось, чтобы тело наконец отдрожало всю свою панику до конца, так что он сидел и ждал, как велено, с мутнеющими от пара очками, когда делал глоток, пока дверь не открылась и внутрь не заглянул Бэрон.

– Мистер Хэрроу, – сказал Бэрон и покачал головой: – Ми-истер Хэ-эрроу...

Мистер Хэрроу, Билли, Билли Хэрроу. Ну *что* вы тут устроили?

Бэрон сел рядом с Билли и сочувственно пожал плечами.

– Шок, конечно, – сказал он.

– Какого *хрена*? – спросил Билли. – Какого хрена, как они смогли... Что вообще случилось?

– Придает новый смысл выражению «замочить человека», правда? Прошу прощения, прошу прощения, – сказал Бэрон. – Кладбищенский юмор. Защитный механизм. Ты в ужасном шоке, я знаю. Поверь.

– Что происходит? – спросил Билли. Бэрон промолчал. – Я видел Дейна, – добавил Билли.

– Неужели? – медленно сказал Бэрон. – Вот, значит, как?

– Я возвращался домой. Вчера вечером. На автобусе. Он был там. Наверно, следил за мной. Если только не... Нет. Он наверняка был там специально. Ему легко узнать, где я живу...

– Ладно. Ладно, слушай...

– Мне кажется, я схожу с ума, – сказал Билли. – Даже до этого... До того, что в подвале. Мне казалось, что за мной следили. Я вам ничего не сказал, потому что, ну, это глупо, сами знаете... – Ветер резко сотряс окна. – Я вам говорю, у меня крыша едет... Что случилось внизу? *Это* сделал Дейн?

– Дайте секунду подумать, мистер Хэрроу, – сказал Бэрон.

– Когда я был у вас, зачем там был профессор психоло-

гии? Варди. Он профессор. Я его загуглил. Бросьте, Бэрон, не смотрите так – всего пара запросов в Сети. Я сразу понял, что он не коп.

– Вот как? Скоро сам сможешь его спросить.

– Он был там, потому что... По-вашему, я сошел с ума, Бэрон? – Снова пауза. – Вот что, по-вашему, со мной происходит? Потому что, господи... – Билли неровно выдохнул. – Прямо сейчас мне кажется, что вы в чем-то правы.

– Нет, – сказал Бэрон. – Никто из нас не думает, что ты сходишь с ума. Совсем даже наоборот. – Он глянул на часы. В этот раз, когда пришел Варди, он пожал Билли руку. Неприятное, слишком сильное пожатие. С собой он нес чемодан.

– Видел? – спросил Бэрон.

– Все так, как и можно было ожидать, – сказал Варди.

– *Что?* – закричал Билли. – *Что ожидать?* Что конкретно во всем этом можно было ожидать?

– Мы это еще обсудим, – сказал Варди. – Мы это еще обсудим, Билли. Пока подожди. Я так понял, ты видел Дейна Парнелла.

Билли провел рукой по волосам. Варди казался слишком крупным для кресла, в которое он втиснулся: он поджал плечи, словно боялся расплескаться. Они с Бэроном переглянулись, снова безмолвно общаясь.

– Ну ладно, – сказал Бэрон. – Давайте еще раз. Патрик Варди – Билли Хэрроу, куратор. Билли Хэрроу – Патрик

Варди. Профессор психологии в Центральном Лондонском университете. Как, я понимаю, ты уже знаешь.

– Да, как я и сказал, – пробормотал Билли. – Мое гугл-фу сильнее вашего.

– С меня извинение, мистер Хэрроу, – сказал Бэрн. – Я предполагал, тебе будет плевать, как и большинству. Никому даже не приходит в голову искать наши имена.

– И что ты знаешь о нас? – спросил Варди. – Обо мне?

– Вы психолог. – Билли пожал плечами: – Работаете с копами. Следовательно... Вы профайлер, да? Как в «Метод Крекера»? Как в «Молчании ягнят»? – Варди улыбнулся, слегка. – Этот несчастный в банке, внизу, – сказал Билли. – Он не первый. В этом дело? В этом, да. Вы кого-то ищете... Вы ищете Дейна. Дейн – какой-то серийный убийца. Вы разгадываете его почерк. И... О боже, ему нужен я, да? Он следит за мной. И это как-то связано с...

Но он остановился. Как сюда пристроить кальмара? Бэрн поджал губы.

– Не совсем, – сказал он. – Не вполне так. – Бэрн разрубил ладонями воздух над столом, организуя невидимые мысли. – Слушайте, мистер Хэрроу, – сказал Бэрн. – Вот такая штука. Сделаем шаг назад. Кто стал бы красть гигантского кальмара? Пока не будем про «как». Не суть важно. Прямо сейчас сосредоточимся на «зачем». Похоже, ты можешь помочь нам, а мы можем помочь тебе. Не говорю, что ты в опасности, но хочу сказать, что...

– О боже...

– Билли Хэрроу, *послушай*. Ты должен знать, что происходит. Мы это обсудили. Мы расскажем тебе полную историю. Но *конфиденциально*. И в этот раз прошу подчиниться, пожалуйста. Итак, обычно мы никого не посвящаем. Нам кажется, тебе пойдет на пользу, если ты будешь знать, и – если совсем откровенно – нам кажется, что это пойдет на пользу и нам.

– Что Дейну от меня надо? – спросил Билли.

– Как тебе известно, изначально это дело вел не я. Можно сказать, нам поступают некоторые сигналы – при определенных обстоятельствах. Определенных преступлениях. Пропажа вашего спрута. Плюс некоторые аспекты того, что сейчас внизу, – они тоже... релевантны. Например, тот факт, что диаметр отверстия банки недостаточно широкий, чтобы вместить этого джентльмена.

– Что?

– Но что действительно приковало наш интерес, – сказал Бэрн, – что действительно стало звоночком – и я говорю буквально, у меня на столе есть звоночек, – это картинка, которую ты нам нарисовал.

Варди достал из чемодана ксерокопию гротескно преувеличенного астериска.

– Я знаю, что это, – сказал Билли. – Кубодера и Мори...

– Итак, – сказал Бэрн. – Я возглавляю специальный отдел.

– Какой отдел?

Варди придвинул по столу еще одну бумажку. Снова тот знак – десятиконечная раскладка шупалец, с двумя длинными лучами. Но не та, что нарисовал Билли. Углы, длина конечностей – все было немного другим.

– Это нарисовано чуть больше месяца назад, – сказал Бэрн. – Однажды ночью ограбили книжный магазин, кое-что забрали. Туда приходил парень с этим знаком, за пару дней до: ничего не покупал, только осматривался. Нервничал.

– Если бы речь шла о паре пацанов в футболках «Obey Giant», мы бы и бровью не повели, – быстро сказал Варди своим глубоким голосом. – Но это не чертов мем. Хотя может двигаться в этом направлении, и, спасибо большое, это замечательно усложнит нам жизнь. – Билли моргнул. – Ты не любитель граффити? Они уже начали появляться. Только первые дни. А скоро такие стикеры будут на всех столбах и студенческих рюкзаках. Оказывается, это, – он щелкнул по бумаге, – отвечает духу времени.

– Просто подходит, – сказал Бэрн.

– Но еще не совсем, – сказал Варди. – Так что, когда знак возникает дважды, мы чуем схему.

– Тот, кого ограбили, – сказал Бэрн. – Он на Чаринг-Кросс-роуд. Торгует макулатурой и иногда настоящим антиквариатом. В ту ночь украли шесть книг. Пять – свежее поступление. Где-то на две-три сотни фунтов. Все лежали на столе на самом видном месте, ждали, пока их рассортируют.

Сперва он решил, что больше ничего не пропало. Но там, где стояли запертые шкафы, было разбито стекло и что-то пропало с верхней полки. – Он поднял палец: – Одна книга. Из кучи старых научных журналов. Он проверил, что пропало.

Бэрон опустил взгляд и прочитал по складам:

– *For-hand-linger... ved de Skandinav...* что-то там, – сказал он. – Том 1857 года.

– Как твой датский, Билли? – спросил Варди. – Ни о чем не говорит?

– Какой-то преступник хочет сделать вид, будто торопился и хватал наугад, – сказал Бэрон. – Так что берет стопку книг со стойки. Но потом пробегает пять метров по коридору к одному *конкретному* запертому шкафу, разбивает конкретное стекло, берет конкретную старую книгу. – Бэрон покачал головой: – Тот старый журнал. *Вот* из-за чего весь сыр-бор.

– И мы затребовали содержание у Датской Королевской академии, – сказал Варди. – Слишком старое издание, чтобы быть в базах данных.

– Если честно, сперва мы не придали этому значения, – сказал Бэрон. – Не приоритет. До нас это дошло только потому, что мы уже рассмотрелись на этот символ ранее. Когда пришел список из Копенгагена, ничего не бросилось в глаза. Но! В свете того, что символ всплыл здесь, и того, что случилось, одна из украденных несколько недель назад статей стала интересней.

– Страницы со ста восемьдесят второй по сто восемьдесят пятую, – сказал Варди.

– Не буду пытаться изображать скандинавский, – сказал Бэрн, читая. – Это статья о – как они выражаются – *blaeksprutter*. Перевод: «Япетус Стинстрап. «Некоторые особенности гигантских головоногих Атлантического океана».

– Резюмируем, – сказал Бэрн. – За недели до того, как умыкнули вашего кальмара, кто-то раздобыл оригинал этой статьи.

– Ты слышал об авторе, – сказал Варди. Билли открыл рот. Он слышал. Гигантский кальмар из музея – это *Architeuthis dux*, но конкретно его вид назван в честь того, кто его классифицировал: *Architeuthis Steenstrup*.

– Итак, – сказал Варди. – Два преступления, объединенных сомнительной безделушкой, – это еще не заговор. Однако. Два преступления – три, считая парня внизу, – объединенные и подобной бижутерией, и гигантским кальмаром... Как тут не запищать нашему радару.

– Такие вещи нас интересуют, – сказал Бэрн.

– Нас? – спросил наконец Билли. – Кого это «нас»?

– Мы, – сказал Бэрн, – ОПФС.

– Кто-кто?

Бэрн сложил руки.

– Помнишь ребят, которые звали себя Новыми розенкрейцерами? – спросил он. – Которые похитили девушку в Уол-

темстоу? – Бэрон ткнул большим пальцем в сторону Варди. – Он их нашел. И он, можно сказать, *консультировал* нас и во время 7/7⁴. Вот подобного рода вещи. Наша область.

– *Какая область?*

– Ну ладно, ладно, – сказал Бэрон. – У тебя такой голос, будто ты сейчас расплачешься.

Варди передал Билли бумагу. Как ни странно, это оказалось его резюме. Докторская диссертация Варди была по психологии, но магистерская – по теологии. Бакалаврат – богословие. Билли сдвинул очки на нос и просмотрел список публикаций, ныне занимаемых должностей.

– Вы что, редактор «Журнала исследований фундаментализма»? – спросил Билли. Он гадал.

– ОПФС – это Отдел преступлений фундаменталистов и сект, – сказал Бэрон. Билли уставился на него, на Варди, опять на резюме.

– Вы *действительно* профайлер, – сказал он. – Вы профайлер культов.

Варди даже улыбнулся.

– Есть, – Бэрон загибал пальцы, – «Аум Сенрике»... Секта Возвращенцев... Церковь Христа-охотника... Кратосианцы – и некоторые у нас тут под боком... Ты представляешь себе скачок преступлений, связанных с сектами, в последние годы? Конечно нет, потому что если это не – бу! – «Аль-Каида»

⁴ Крупный теракт в Лондоне 7 июля 2005 года.

и прочие аль-каидяне, то в новости ничего не попадает. Но они – меньшая из наших забот. И отчасти ты не слышал об этом потому, что *мы* хорошо выполняем свою работу. Поддерживаем порядок. Вот почему тебя просили держать рот на замке. Но ты кое-что кое-кому рассказал. И это а) не стоило делать, и б) довольно впечатляет. Коллингсвуд попросит тебя еще раз, настойчивей.

– Не то чтобы мы секретная организация, – сказал он. – Мы не действуем в рамках «правдоподобного отрицания» – в наши дни это уже не лучшая стратегия. У нас, скорее, «правдоподобное равнодушие». Все такие: «ОПФС? На фига вам они сдались? Это чушь какая-то, даже рассказывать стыдно...» – Он улыбнулся: – Ну ты понял.

Билли слышал офицеров в коридорах снаружи. Звонили телефоны.

– Ну, – сказал наконец Билли. – Ну, значит, вы занимаетесь сектами. И какое это имеет отношение к бедолаге в подвале? И какое это имеет отношение ко *мне*?

Варди включил на ноутбуке видео и поставил его так, чтобы видели все трое. Кабинет, чистый стол, книги на полках, принтер и компьютер. Там был Варди – в три четверти оборота к камере, другой человек – спиной к объективу. Все, что от него было видно, – зализанные редееющие волосы и серый пиджак. Качество цветности не самое лучшее.

– ...и думал, – услышал Билли, как говорит человек с невидимым лицом. – *Я тут пока водился с ребятами в Эн-*

тингс – по-моему, шизики, каких много, «баланс-баланс-баланс», ниче интересного, я бы и время ваше тратить не стал.

– А что насчет этого? – спросил Варди с видео и поднял, как увидел Билли, символ, который нарисовал он сам. Сидевший спиной человек придвинулся.

– Ах да, – сказал он. Он тараторил заговорщическим тоном, без передышек: – *Тефты-тефтельсы*, – говорил он. – Но да, не, не знаю. *Тефтельсы* – это, кажись, что-то новенькое, я их не видел, только когда они малюют по округе, оставляют его. «Знак, знак». Были в Камдене? Как я их увидал, сразу такой думаю: «Хотеть», – но они странные какие-то, как бы ручкой тебе машут, а потом попробуй их найди. Вот. Они что, тайные?

– А они тайные? – спросил Варди.

– Ну, это вы мне скажите, вы мне скажите. Мне к ним не подобраться, а вы меня знаете, это неприятно, ну, сами понимаете, – хочется, но не можется.

– Устои?

– А хз. Что я слышал. – Человек изобразил пальцами слухи. – Все, что могу сказать, – они говорят о тьме, о подъеме, о, ну знаете, всеохвате. Они обожают эту тему про «хватать», «гаптировать»...

– Что?

– Гаптировать, гаптировать, где ваш профессор греческого? Альфа-фи-эта, «гапто», *haptikos*, если угодно, «тро-

гать» и все дела, такие они все там трогательные, – эти ребятаушки гаптического разлива, факт.

Варди остановил видео.

– Это как бы фрилансер-исследователь. *Фанат*. Коллекционер.

– Коллекционер чего? – спросил Билли.

– Религий. Культов.

– Как, блин, можно коллекционировать культы?

– Вступая.

За окном ветренно буянили ветки деревьев. В помещении было очень душно. Билли отвернулся от света снаружи.

Человек на экране – не единственный, сказал Варди. Маленькая одержимая братия. Гики от ереси – ходят из секты в секту, копят догмы, жадные не хуже Ренфилда. Сегодня – Солдаты Червя-Спасителя, завтра – Опус Деи или Бобо-Дреды; с одержимой преданностью и внезапными краткими вспышками искренности, достаточными, чтобы их приветствовали в рядах неофитов. Кто-то – вечный циник, в деле только ради зарубки на кровати, другие прозревают каждые два-три дня и верят, что «уж эти не такие, как все», пока не вспоминают о своей натуре и не самоотлучаются со смешком удовольствия.

Они собирались мериться гнозисами, в кафешках на Эджвер-роуд с кальянами или в пабах на Примроуз-Хилл или в каком-то Альмаган-Ярд, – в основном предпочитают забега-

ловки на «улицах-ловушках», сказал Варди. Они обменивались раскольническими тайнами в некоем странном состоянии, будто вера – игровые карточки «Топ Трампс».

«А у тебя какой апокалипсис?» – «Ну, Вселенная – листик на древе времени: наступит осень – она увянет и упадет в ад». – Одобрительное бормотание: – «О-о, неплохо. А мои новые говорят, что муравьи сожрут солнце».

– Он, понимаешь ли, хочет вступить к этим «тефтелям», – сказал Варди. – Он комплетист. Но не может их найти.

– Что за тефтели? – Билли проигнорировали.

– *Тефтельсы*, – сказал Бэрн. – Дошло? Хэрроу, сядь. – Билли встал и пошел к двери. – *Тефтельсы*, – сказал Бэрн. – Дошло? Тефтельсы – тевтисы.

– С меня хватит, – сказал Билли.

– Сядь, – сказал Варди.

– Мы чертовы охотники на секты, Хэрроу, – сказал Бэрн. – Как думаешь, зачем нас вызвали? Кто, думаешь, виноват в том, что происходит?

– Тевтисы. – Варди улыбнулся. – Служители гигантского кальмара. Кальмаропоклонники.

– Та статья, о которой мы говорили, – сказал Бэрон. Билли замер, взявшись за ручку двери. – Там старик Япетус впервые ввел название «архитевтис». Конечно, всегда можно найти переиздание, но оригиналы – они же особенные, верно?

– Он ниспровергал фольклор, – сказал Варди. – Весь текст он фыркает над какой-то сказкой и говорит: «Нет-нет, господа, этому есть рациональное объяснение». Можно сказать, в статье морское чудовище встречается с... – Варди обвел рукой комнату, – этим. *Современным миром*. – Ударение было насмешливым. – Из небылицы в науку. Конец старого уклада. Верно? – Он отрицательно покачал пальцем. Бэрон снисходительно наблюдал за ним.

– Смерть легенды? – сказал Варди. – Только потому, что он дал ей имя? Он назвал его «ар-хи-тев-тис». Не «большой» кальмар, Билли. Не «огромный» и даже не «гигантский». «Правящий». – Варди моргнул. – Вот это – *правит*? Вот так Япетус соблюдает Просвещение? Он запихнул кальмара в таксономию, да, но в каком качестве? В качестве гребаного демиурга.

Он был пророком. Знаешь, что он делал в конце лекции? О, он выступал с реквизитом. Он был массовиком-затейни-

ком, как Билли Грэм⁵. Выносит банку, а что в ней? Клюв. – Варди пощелкал пальцами. – Гигантского кальмара.

Темнело, надвигалась облачность, словно призванная драмой. Билли смотрел на Варди. Очки он держал в руке, так что Варди слегка расплывался перед глазами. Вообще-то Билли, как теперь вспоминалось, уже слышал эту историю или ее суть: анекдот в лекционной аудитории. Его лекторы, где могли, красуясь за чужой счет, сдабривали истории о теориях своих предшественников. Рассказывали анекдоты о полимате Фарадее; читали душераздирающее письмо Фейнмана его покойной жене; расписывали форс Эдисона; оплакивали мучеников от утопических исследований – Кюри и Богданова. Стинстрап входил в эту лихую компанию.

Варди говорил так, будто без шуток *видел* выступление Стинстрапа. Будто прямо сейчас смотрел, как Стинстрап достает из банки черную убийственную штуку. Часть левиафана – скорее, орудие чужеродного разума, чем пасть. Консервированное, драгоценное, явленное, как палец святого. Что бы там ни говорил Стинстрап, его банка была ракой.

– Та статья, – сказал Варди. – Это перелом. С определенной точки зрения ради нее стоит нарушить закон. Потому что это священный текст. Это *писание*.

Билли тряхнул головой. Казалось, будто в ушах звенит.

– Вот за это, – сказал Бэрн, заметно забавляясь, – про-

⁵ Билли Грэм (1918–2018) – американский теле- и радиопроповедник.

фессору и платят.

– Наши воры собирали библиотеку, – сказал Варди. – Спорю на хорошие деньги, что за последние месяцы украли тексты Веррилла, Ритчи, Мюррея⁶ и другую, ну знаешь, классическую *тевтическую* литературу.

– Господи, – сказал Билли. – Откуда вы столько знаете? – Варди отмахнулся от вопроса – буквально, рукой, как от наскомого.

– Такая у него работа, – сказал Бэрн. – Из грязи в гуру за сорок восемь часов.

– Не будем обо мне, – сказал Варди.

– Итак, – сказал Билли. – Вы думаете, что секта украла книжку, забрала спрута и убила этого парня? И теперь им нужен я?

– Я разве это говорил? – сказал Варди. – Я не могу быть уверен, что эти спрутисты вообще что-то делали. Если честно, что-то не складывается.

На этом Билли театрально и грустно рассмеялся.

– *Серьезно?* – сказал он. Но Варди не обратил внимания

⁶ Эдисон Эмери Веррил (1839–1926) – американский зоолог, среди прочего назвал пойманного в Бискайском заливе в 1874 году гигантского кальмара *Architeuthis Harveyi Verril*. Джеймс Ритчи писал о гигантских кальмарах, пойманных на шотландском побережье (*Occurence of a giant squid (Architeuthis) on the Scottish coast*, 1918). Александр Мюррей (1810–1884) – первый натуралист, задокументировавший в письме для Веррилла нападение спрута на ньюфаундлендского рыбака в 1873 году и получивший от того рыбака удар, отрубивший ему щупальце. 1870-е – время, когда научно подтвердилось существование гигантских кальмаров, и эти натуралисты были первыми исследователями.

и продолжил:

– Но это как-то с ними связано.

– Да ладно, – сказал Билли. – Это же *бред сивой кобылы!* – воскликнул он. – Религия вокруг спрута?

Комната стала казаться ловушкой. Бэрон и Варди наблюдали за ним.

– Брось, – сказал Варди. – Верить можно во что угодно. Поклонению доступно все.

– Или скажешь, все это – совпадение? – спросил Бэрон.

– Спрут сам по себе взял и пропал, правильно? – спросил Варди.

– И никто за тобой не следил, – сказал Бэрон. – И никто ничего не делал с бедолагой внизу. Самоубийство с помощью спирта.

– А ты, – сказал Варди, глядя на Билли, – не чувствуешь, что с миром прямо сейчас будет что-то не то. Но ведь чувствуешь, да? Я же вижу. Тебе интересно нас выслушать.

Молчание.

– Как они это сделали? – спросил Билли.

– Иногда не стоит заикливаться на «как», – сказал Бэрон. – Иногда происходит то, чего происходить не должно, но это не должно отвлекать. А вот с «зачем» разобраться можно.

Варди подошел к окну. Встал на фоне света – темный силуэт. Билли не видел, смотрит на него Варди или нет.

– Вечно фимиам в глаза, – сказал Варди из невидимости. –

Вечно высокодуховность. Может быть, они и хотят... *отри-
нуть все мирское*. – Помпезность выражения раскатилась по
комнате. – Но все же для подобных сект главное – ритуалы
и иконы. В этом суть. Не у многих культов была собствен-
ная реформация. – Он вышел из сияния окна. – А если была
– добро пожаловать, лопухи, в игру по-взрослому, вот вам
Тридентский собор⁷ – и старый уклад больно огрызается. Как
тут обойтись без святынь? – Он покачал головой.

Билли мерил шагами пол между плакатами, дешевыми
картинами и досками с записками незнакомых ему коллег.

– Если поклоняешься этому животному... Скажем про-
ще, – продолжил Варди, – вы, ваш Центр *Дарвина*... – Здесь
Билли не понял его насмешки. – Ты и твои коллеги, Билли,
выставляете Бога на обозрение. Ну какой же фанатик его
не освободит? Вот он лежит, замаринованный. Их хватаю-
щий и трогательный бог-охотник. Можешь представить, как
он обыгрывается в псалмах. Как описан их бог.

– Так, – сказал Билли. – Так, знаете что? Мне реально
нужно выйти.

Варди как будто цитировал:

– «Он движется во тьме, в ее чернила чернила свои изли-

⁷ *Тридентский собор* (1545) – реакция католической церкви на движение Реформации и начало Контрреформации, нацеленной на восстановление престижа и позиций церкви. Реформация – движение, начатое Мартином Лютером (1517), направленное на реформу церкви и приведшее к появлению нового направления христианства – протестантизма, включавшего еще множество других независи-
мых церковных образований.

вая». Что-то в этом роде. Скажем, «черное облако в черной воде». Вот тебе коан, Билли. Это тактильный бог, у которого щупальцев столько же, сколько у нас – пальцев, и это *совпадение*? Потому что *вот так*, – добавил он уже будничным голосом, – это все и работает, понимаешь?

Бэрон поманил Билли к двери.

– Будут у них стихи и о его пасти, – сказал позади Варди. – «*Сокрушительный зев птицы небесной* в пучинах темных вод». – Он пожал плечами: – Что-то в этом роде. Ты настроен скептически? Напротив, это *идеальный* бог, Билли. Это самый, чтоб его, отборный, идеальный, чистый, подходящий бог для сегодняшнего дня, для этого момента. Потому что он ни хрена не похож на нас. Чужеродный. А в того старого бородатого самодура все равно верилось с трудом, да?

– Ты-то верил, чертов лицемер, – жизнерадостно сказал Бэрон. Билли вышел за ним в коридор.

– Они превозносят его, – следовал за ними Варди. – Они обязаны спасти его от поругания в виде вашего, как я подозреваю, легкомысленного отношения. Спорим, у вас и прозвище для него есть? – Он склонил голову. – Спорим, это прозвище – «Арчи». Вижу, что прав. Теперь ответь: какой верующий может это допустить?

Они петляли по музейным коридорам, и Билли понятия не имел, куда они направляются. Он чувствовал себя не от мира сего. Будто его здесь не было. Все коридоры обезлюдели.

ли. За ним смыкались темнота и дебри музея.

– Как вы?.. Чем вы занимаетесь? – спросил он Варди, пока тот переводил дыхание посреди очередной мысли. «Как это вообще назвать?» – думал Билли. Эту реконструкционную рекогносцировку, берсеркский сплайсинг мемов, когда сперва видишь на пустом месте паттерны, потом связь, потом причины и следствия, а потом раскольнический смысл.

Варди даже улыбнулся.

– Паранойя, – ответил он. – Теология.

Они дошли до выхода, которым Билли никогда не пользовался, и он отдернулся от прохлады улицы. День неистовствовал: корчились на ветру деревья, облака неслись, словно опаздывали на важную встречу. Билли сел на каменные ступеньки.

– Значит, парень в подвале... – сказал он.

– Мы еще не знаем, – сказал Варди. – Попался под руку. Раскольник, охранник, жертвоприношение, что-то такое. В данный момент я говорю об общей картине.

– Все это тебя не касалось бы, – сказал Бэрн. Он, держа руки в карманах, адресовал реплики одному из каменных животных на стенах здания. Воздух обволакивал волосы и одежду Билли. – Тебе бы не пришлось из-за этого волноваться. Но вот такая штука. После Парнелла в автобусе, после подобного внимания кажется, что они по какой-то причине... заметили вас, мистер Хэрроу.

Он поймал взгляд Билли. Том передернулся. Бросил

взгляд на территорию, на улицу за воротами, на колышущуюся растительную жизнь. Порывами двигался мусор, полз по мостовой, как придонные гады.

– Ты участник заговора, из-за которого их бог оказался в плену, – сказал Варди. – Но это еще не все. Ты специалист по кальмарам, Билли. Похоже, ты кого-то заинтересовал. Теперь ты представляешь для них интерес.

Он встал между Билли и ветром.

– Это *ты* обнаружил, что кальмар пропал, – сказал он. – Ты его туда изначально и поставил. Это у твоих пальчиков всегда была особая сноровка для моллюсков. – Он пошевелил пальцами. – А теперь *ты* нашел мертвеца. Что же удивительного, что они заинтересовались?

– Ты чувствовал... что что-то происходит, – сказал Бэррон. – согласишься?

– Что со мной творится? – сумел спокойно выговорить Билли.

– Не волнуйся, Билли Хэрроу. Это прозорливость, а не паранойя, – то, что ты чувствовал. – Бэррон поворачивался, окидывая взглядом лондонскую панораму, и куда бы он ни смотрел, когда бы ни останавливался глазами на каком-нибудь черном пяточке, Билли тоже смотрел туда. – В мире *действительно* что-то не так. И это что-то заметило тебя. Не самое лучшее положение. – Билли сидел на обзрении мира, как крошечная добыча.

– Что вы хотите? – спросил Билли. – В смысле, узнать,

кто убил этого парня, да? А со мной что будет? И вы вернете спрута?

– Таковы наши намерения, да, – сказал Бэрн. – В конце концов, секты и ограбления – в нашей юрисдикции. А теперь и убийство. Да. И твоя безопасность, скажем так, для нас немаловажна.

– Чего они хотят? При чем тут Дейн? – спросил Билли. – И вы же какие-то тайные охотники на секты, да? Тогда зачем вы мне все это рассказываете?

– Знаю-знаю, ты чувствуешь себя уязвимым, – сказал Бэрн. – Словно у всех на виду. Есть способы тебе помочь. А ты поможешь нам.

– Нравится тебе или нет, ты уже в этом участвуешь, – сказал Варди.

– У нас есть одна мыслишка, – сказал Бэрн. – Уйдем с холода. Поболтаем в Центре Дарвина. Обсудим предложение на повестке, и ты кое с кем встретишься.

Вокруг оседали комнаты, будто устраивались поудобнее непоседливые гении места. Билли чувствовал себя чужаком. Это что, опять стекло, звяк-звон за пределами видимости? И перестук, похожий на кости?

Два служаки перед аквариумным залом отреагировали на Бэрона безо всякого видимого уважения.

– Заметил, да? – пробормотал Бэрон на ухо Билли. – Теперь они придумывают презабавные шутки про то, как расшифровывается ОПФС. Популярный вариант всегда: «Охренеть Придурки Фиговы, Сука».

Внутри снова была высокомерная девушка, все в той же небрежной униформе; глянула она на Билли, возможно, чуть более дружелюбно. На столе, где больше не было кальмара, стоял ее открытый ноутбук.

– Вернулись? – сказала она. Шуточно отдала честь Варди и Бэруну, подняла бровь при виде Билли. Печатала одной рукой.

– Я Билли.

Она ответила взглядом: «Неужто?».

– Есть след, – сказала она Бэруну.

– Билли Хэрроу – констебль Кэт Коллингсвуд, – сказал Бэрон. Она щелкнула то ли языком, то ли жвачкой и повернула компьютер, но не так, чтобы видел Билли.

– Вот это скачок, – пробормотал Варди.

– При забастовке и прочей херне такого не ожидаешь, – сказала она. Варди продолжительно оглядывал зал, будто во всем были виноваты животные.

– Хотите узнать, что это все такое? – спросил Билли.

– Нет-нет, – задумчиво ответил Варди. Подошел к сельдяному королю, пойманному несколько десятков лет назад. Взглянул на старинного детеныша аллигатора. – Ха, – сказал он.

Обошел помещение.

– Ха! – резко сказал опять. Он стоял у шкафа с экспонатами «Бигля». На лице Варди было неузнаваемое выражение.

– Это они, – сказал он через некоторое время.

– Ага, – ответил Билли.

– Господи боже мой, – мягко сказал Варди. – Господи боже. – Он придвинулся вплотную и очень долго читал этикетки. Возвращаясь, наконец, к Коллингсвуд, пока она вбивала информацию в компьютер, он снова оглянулся на шкафчик «Бигля». Коллингсвуд проследила за взглядом.

– О да, – сказала она банкам. – Вот это тема.

– Это с вами я должен встретиться? – спросил ее Билли.

– Ага, – сказала она. – С нами самыми. Пошли в паб.

– Э-э... – сказал Билли. – В планах у меня такого не было...

– Самое лучшее для тебя – выпить, – сказал Бэрн. – Это самое лучшее. Идешь? – спросил он Варди. Тот покачал го-

ловой:

– Это же не я мастер убеждения. – Он махнул, чтобы они шли.

– Не, – сказала Коллингсвуд, обращаясь к Билли. – Это правда, не мастер. Но не то чтобы он не *интересуется*, типа, убедительностью, сечешь? Он ею *интересуется*. Как чем-нибудь в банке.

– Пошли, Билли, – сказал Бэрн. – Выпьем за счет столичной полиции.

Когда они вышли, мир покачивался. Слишком много людей шептались на слишком многих уличных углах, слишком мутное небо, словно оно закрывало какую-то темную сделку. Коллингсвуд хмурилась на тучи, будто ей не нравился мелкий шрифт.

Паб был темной питейной, убранной лондонскими уличными знаками и старинными картами. Сели они в углу, подалеже от людей. И все равно остальных посетителей – смесь из подозрительных типов и офисного планктона – явно беспокоило наличие Кэт Коллингсвуд в форме, пусть и неортодоксальной.

– Итак... – начал Билли. Он понятия не имел, что сказать. Коллингсвуд это как будто не беспокоило. Она просто смотрела на него, пока Бэрн шел к стойке. Предложила сигарету.

– Кажется, здесь не курят, – сказал Билли. Она посмотрела на него и закурила. Дым драматически обволок ее. Он подождал.

– Вот такая штука, – сказал Бэрн, вернувшись с выпивкой. – Ты слышал Варди. Парнелл и тефтельсы положили на тебя глаз. Так что не сказать, что ты в самой безопасной из всех возможных ситуаций.

– Но я же никто, – сказал Билли. – И вы это знаете.

– Не имеет значения, – сказал Бэрн. Билли удивило, как его напрягал вид Коллингсвуд, пьющей и курящей в форме. – Прикинем, – сказал Бэрн. – Итак, Варди... Ты видел его в деле. Знаешь, чем он занимается. Несмотря на всю нашу квалификацию, конкретно в этом случае, относительно – ну, того, что сейчас происходит, – нам бы не помешал взгляд со стороны. От специалиста. Вроде тебя. Мы имеем дело с фанатиками. А фанатики – всегда эксперты. Значит, нам нужны свои эксперты. И здесь вступаешь ты.

Билли уставился на него. Даже хохотнул.

– Я сперва думал, что вы что-нибудь такое скажете, а потом такой... да не, не сходи с ума.

– Никто из нас ни хрена не знает о гигантских кальмарах, – сказала Коллингсвуд. Название животного в ее саркастичной лондонской речи прозвучало странно. – Правда, это потому, что нам на них насрать, но ты понял.

– Ну ладно, тогда и оставьте меня в покое, – сказал Билли. – Я все равно не то чтобы прям эксперт.

– Ой, ну все, кончай уже.

– Я говорю не только о начитанности, Хэрроу, – сказал Бэрн. – Я привык относиться к культистам со здоровым ува-

жением. А *они* думают, что ты какой-то особенный, и это говорит о многом, что бы *ты* ни думал. Помнишь, как увидел Дейна Парнелла? Помнишь окно автобуса?

– Что? – спросил Билли. – Разбитое?

– Ты нам сказал, что *видел*, как оно разбилось. Как, по-твоему, это случилось? – Бэрн дал паузу, чтобы вникнуть в вопрос. – В нашей работе – в смысле, в работе ОПФС – нужен более тонкий подход, чем в органах в целом. Полезно иметь специалистов *вне* службы.

– Вы реально предлагаете мне вступить, – сказал Билли в шоке.

– У нас есть всякие там льготы, – сказал Бэрн. – Парочка обязанностей. Гостайна, все такое. Что-то платят. Не сказать чтобы роскошно, если честно, но, сам понимаешь, лишняя пара пицц...

– А скажите, хоть у кого-нибудь в ОПФС, – ответил Билли, – есть хоть капля здравого смысла? – Он ошалело посмотрел на собутыльников. – Вот не ожидал, что сегодня меня будут вербовать.

– Ага, причем мусора, – сказала Коллингсвуд. Пустила дым струями, усмехнулась, глядя на Билли. Ее так и не попросили не курить.

– Мы хотим, чтобы ты был на нашей стороне, Билли, – сказал Бэрн. – Поможешь Варди. Ты знаешь книги. Ты понимаешь тему спрутов. В любом расследовании мы всегда начинаем с верований, но здесь не обойтись без биологии.

Знаешь, должен тебе сказать... – Бэрон поерзал, словно подошел к болезненной теме. – Может, ты слышал: по старому стандарту, когда ищешь кто-это-сделал, начинаешь с того, кто нашел тело. Да и к аквариуму у тебя тоже был доступ.

Билли широко раскрыл глаза. Начал вставать. Бэрон со смехом посадил его обратно.

– Сядь ты, балда, – сказал он. – Просто говорю, что если мы захотим, то можно ведь и совсем не по-хорошему. Где вы были в ночь того-то и сего-то и так далее и тому подобное. Но мы можем друг друга выручить. Нам нужны знания, а тебе – защита. Все в выигрыше, приятель.

– Тогда зачем вы мне угрожаете? – спросил Билли. – И я уже сказал – нет у меня никаких знаний...

– Хочешь мне сказать, – перебил Бэрон, склонив голову с выражением «ну, будет уже», – что совсем не ощущаешь чертово благоговение перед этой штукой?

– Кальмаром?

– Архи, мать его, тевтисом, Билли Хэрроу, да. Гигантским кальмаром. Штуковиной в банке. Им самым. Которого забрали. Был – и не стало. Тебя действительно удивляет, что кто-то ему поклоняется? Не интересно узнать зачем? Что на кону? Ты уже знаешь, что что-то происходит. Не хочешь знать больше?

– Поиски новой жизни и новых цивилизаций,⁸ – сказала Коллингсвуд. Она прихорашивалась перед зеркальцем. Бил-

⁸ Цитата из сериала «Стар Трек».

ли тряхнул головой и ответил:

– Что за ад?

– Не, – сказала Коллингсвуд. – За этим тебе в другой отдел.

Билли закрыл глаза, открыл от звука стаканов, вибрирующих на столе. Коллингсвуд и Бэрн переглянулись.

– Он сейчас что?.. – сказала Коллингсвуд. Снова посмотрела на Билли – с интересом.

– Мы знаем, что тебе не по себе, – аккуратно сказал Бэрн. – Поэтому ты прекрасный кандидат для...

– *Не по себе?* – Билли вспомнил человека в банке. – Это слабо сказано. А теперь вы что, хотите, чтобы... чтобы я для вас что-то нашел? И все?

– Для начала.

– Я так не думаю, – сказал Билли. – Лучше пойду домой и забуду, что вообще что-то происходит.

– *Ну прям,* – сказала Коллингсвуд. Затянулась. На золотой отделке формы поблескивал слабый свет. – Будто ты сможешь забыть. Будто сможешь забыть *все это*. – Она покачалась на стуле. – Флаг тебе в руки, братец.

– Никто не сомневается, что этого бы ты и хотел, – сказал Бэрн. – Но, увы, не всем дано выбирать. Даже если это не интересно тебе – ты уже сам стал интересен этому. Давай-ка пока отложим эту тему.

Штука в том, Билли, что мы должны были уже устареть. ОПФС учредили незадолго до 2000-го. Склепали из пары

других отделов. Предполагалось, что временно. Был миллениум: мы ждали, что какие-нибудь набожные психи подпалят парламент. Пожертвуют Черри Блэр своим козлиным властелинам, что-то такое.

– Не свезло, – сказала Коллингсвуд. Она курила по-французски, выдыхая через нос. Хоть это и было отвратительно, Билли не мог отвести глаз.

– Пролетели, как фанера, – сказал Бэрон. – Всякая дурацкая мелюзга, но большого взрыва... ну, *миллениализма*, которого мы ожидали в нулевых... не произошло.

– Это *тогда*, в смысле, – сказала Коллингсвуд.

– Вы вообще помните нулевые? – спросил Билли. – Не смотрели «Телепузиков»?

Коллингсвуд усмехнулась.

– Она права, – сказал Бэрон. – Все отсрочилось. Началось потом. В итоге мы загружены, как никогда. Слушай, мне все равно, чего хотят эти группы, – главное, чтобы держали это при себе. Раскрашивайтесь в синий и курите кактусы, только, пожалуйста, дома и не вмешивайте штатских. Живите и дайте жить другим. Но проблема не в этом. – Он отстукивал на столе каждое следующее слово. – Все эти группы со своими откровениями, апокрифами...

– всегда сводятся к одному и тому же, – сказала Коллингсвуд.

– Есть такое, – сказал Бэрон. – В любой священной книге нам интересна последняя глава.

– Иоанн, сука, Богослов, – сказала Коллингсвуд. – Раз, два и хана.

– К чему ведет моя коллега, – сказал Бэрн, – так это что мы столкнулись с волной святых Иоаннов. Этакой эпидемией эсхатологий. Мы живем, – сказал он слишком ровно, чтобы в голосе можно было услышать юмор, – в эпоху конкуренции концов.

– Рагнарек против пляски духов, против Кали-Юги, против киямата, и тэ дэ и тэ, на хер, пэ, – сказала Коллингсвуд.

– Вот что в эти дни цепляет новообращенных, – сказал Бэрн. – На рынке спрос на апокалипсисы. В ереси бум армагеддонов.

– Тыщу лет только разговоры говорили, – сказал Коллингсвуд. – Но недавно внезапно началась какая-то движуха.

– И каждый настаивает, что случится именно *его* апокалипсис, – сказал Бэрн. – А это означает проблемы. Потому что из-за этого они воют.

– Что значит «движуха»? – спросил Билли, но ехидца прозвучала слабо из-за бегущих мыслей и откровенно голого факта, что невозможное возможно. Коллингсвуд потыкала в воздух, потеряла кончики пальцев, обозначая, что что-то чувствует, что от мира остается взвесь.

– Волноваться надо, когда они в чем-нибудь соглашаются, – сказала она. – Пророки. Это самое последнее, что хочешь от сраных пророков. Даже если – и особенно если – они не согласны по мелочам. Слышал про мордобой гопников и

быдла в Восточном Лондоне? – Она покачала головой. – Братья Вульпуса выясняли отношения с кучкой друидов. Сурово. Серпы-то острые. А все из-за того, как закончится мир.

– Мы не успеваем везде, Хэрроу, – сказал Бэрн. – Конечно, мы занимаемся и другими вещами: жертвоприношение детишек, жестокое обращение с животными, много чего. Но это цветочки, а ягодки – апокалипсисы. Все труднее и труднее разгонять драки из-за концов света. Мы не справляемся, – сказал он. – Я с тобой откровенен. Не говоря уже о чем-то таком крупном, как сейчас. Не пойми меня неправильно – я верю в печенье предсказаний не больше твоего. И все-таки. Недавно половина пророков Лондона вдруг стала знать – знать! – что миру осталось недолго. – По голосу Бэрона не казалось, что он шутит над их знанием. – И чтоб мне провалиться, если я понимаю, что все это значит, – но тут вдруг ситуация проясняется. Примерно тогда, когда произошло сам знаешь что.

– Твой спрут скрылся в тумане, – сказала Коллингсвуд.

– Это не мой спрут.

– Да твой он, твой, – сказала она. – Брось, во все края твой. – Из-за ее тона показалось, что спрут и правда его. – Это снова случилось, – сказала она Бэрону. – Стало еще ближе.

– Они втянули публику, – сказал Бэрн. – А так дело не пойдет. Мы из кожи вон лезли, чтобы штатские держались подальше. Но если уж замешан кто-то вроде тебя – кто-то

знающий, в смысле, – ну, мы этим пользуемся.

– Из некоторых рекруты получаются лучше, чем из других, – сказала Коллингсвуд. Она пристально следила за Билли. Придвинулась. – Открой-ка варезку, – сказала она. Он даже не подумал сказать «нет». Она всмотрелась в его зубы. – Ты не должен был рассказывать друзьям про спрута, – сказала она. – Не должен был *мочь*.

– Варди прекрасно обойдется без меня, – сказал Билли. – Он и сам может изучить матчасть. А я обойдусь без вас.

– Знаю, профессор иногда производит не лучшее впечатление, – сказал Бэрон и взял одну из сигарет Коллингсвуд.

– То, как он говорил, – сказал Билли. – О фанатах спрутов. Как будто он один из них.

– В точку, – сказал Бэрон. – *В точности* как будто он один из них. Можно сказать, ему было откровение.

– Рыбак рыбака, – сказала Коллингсвуд. – О да!

– Что? – спросил Билли. – Он был?..

– Верующим, – ответил Бэрон. – Рос типичным ультраверуном. Креационист, буквалист. Отец – церковный староста. Варди провел в религии многие годы. Утратил веру, но не интерес – к счастью для нас – и не свой нюх. Какую группу мы ни изучаем, он ныряет в нее, как новообращенный, – Бэрон постучал по груди, – потому что на миг-другой так и *есть*.

– Более того, – сказала Коллингсвуд. – Он не просто это понимает. Дымно улыбнулась Билли. Приложила ладонь ко

рту, будто для шепота, но не шептала. – Он по этому *ску-ча*ет. Он несчастный. Не привык жить в этой самой нашей случайной реальности. Его бесит, что мир безбожный и бессмысленный, сечешь? Он бы прям завтра вернулся к старой вере, если б мог. Но он уже слишком поумнел.

– Таков его крест, – сказал Бэрон. – Бум! Не стоит аплодисментов.

– Он знает, что религия – это просто шляпа, – сказала Коллингсвуд. – И жалеет, что знает. Вот почему он понимает психов. Вот почему на них охотится. Он скучает по чистой вере. Он им завидует.

Бэрон отвез Билли домой под поздним унылым дождем.

– Кэт взглянет на твою систему безопасности, – сказал он.

– У меня ее и нет.

– Что ж, ладно.

– Теперь я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, – сказала она. – Раз уж ты стал таким ценным. – Он покосился на нее. – И еще: несколько дней не пускай никого, кого не знаешь.

– Прикалываетесь?

– Слушай, они не дураки, – сказал Бэрон. – Они понимают, что мы следим. Но у них к тебе есть вопросы, это очевидно, а на что порой ни толкает любопытство. Так что безопасность прежде всего, да? – Он повернулся к Билли на заднем сиденье: – Мне это нравится не больше твоего. Ну ладно, возможно, тебе это нравится еще меньше моего. – Он рассмеялся.

– Разве вы не должны меня защищать? – спросил Билли.

– «Хочешь быть в моей банде, банде, банде», – напела Коллингсвуд.

– Гэри Глиттер? – спросил Билли. – Серьезно?

– Я бы не сказал, что твоя жизнь под угрозой, – заметил Бэрон. – Я бы сказал, в самом худшем случае – так, под угрозочкой. Мы не говорим – не впускай никого вообще...

– Ну, я вот говорю, – сказала Коллингсвуд, но Бэрон продолжил:

– ...если ты доверяешь этому человеку – все замечательно. Просто будь осторожней. Ты мелкая сошка. Они уже получили, что хотели.

– Кальмара, – сказал Билли.

– Коллингсвуд установит надежную систему безопасности. Все будет хорошо. И знаешь, если примешь наше предложение – мы ее сделаем еще лучше.

Билли уставился на них:

– Это не предложение работы. Это крышевание. Причем наглое.

Коллингсвуд поцокала языком.

– Не можешь без истерики, да? – сказала она. Потрепала его по щеке. – Это льготы, понял? Они есть на любой работе.

Бэрон повел Билли на кухню, пока Коллингсвуд хлопотала у входной двери. Она задумчиво оглядела коридор, шкафчик, где Билли хранил ключи и почту. Видок у нее был еще тот – модно неухоженная, сигарета повисла в губах, как во французском кино, стояла на носках, тыкала в верхний угол косяка с уверенностью и точностью, которые не ассоциировались у Билли с такой молодостью.

– Понимаешь, о чем мы говорим? – спросил Бэрон. Без спроса порылся на кухне в поисках кофе. – Уходить с работы не придется. Только день в неделю, не больше, чтобы провести время с нами. Для обучения. Экстремальная теология,

самозащита. Да еще и платят. – Он отпил. – Надо думать, все это может показаться чересчур.

– Да вы что, охренели? – сказал Билли. – Чересчур? Я только что нашел *замаринованного человека*. Меня вербуют копы, которые рассказывают, что на меня охотится культ Ктулху...

– Ну ладно, – сказал Бэрн. Билли заметил, что он не переспрашивал, кто такой Ктулху. – Спокойно. Давай так говорить. Кто-то за тобой следит. То есть смотрит, но не трогает. Может, хотят тебя обратить. Знаешь, как у креационистов радости полные штаны, когда к ним вступает какой-нибудь ученый? Представь, что для этой компашки будет значить целый настоящий спрутолог в пастве.

– Ну отлично, – сказал Билли. – Очень обнадеживает. Если только мне не хотят вырезать сердце.

– Варди умеет вживаться в их образ мысли, – сказал Бэрн. – Если он считает, что сектанты не хотят твоей крови, то так и есть.

Из другой комнаты раздался стук, скрежет.

– Что она делает? – спросил Билли.

– Не отвлекайся, Хэрроу. По моему профессиональному мнению – и по мнению Варди, – спрутоверы пытаются понять, что ты обозначаешь.

– Да ни хрена я не обозначаю!

– Да, но они-то этого не знают. А в мире, где ты теперь очутился, *все* что-нибудь да обозначает. Понимаешь? Очень

важно, чтобы ты это понял. Все что-нибудь да означает.

— Ну, конечно, не шедевр. — Вошла Коллингсвуд, руки в карманах. Пожала плечами: — Но свое дело сделает. Вход только по приглашениям. Продержится, пока наш Док Октопус не надумает чего. Только не лезть. — Она покачала пальцем перед Билли. — Руками не трогать.

— Вы же сказали, Варди думает, будто мне не о чем волноваться, — сказал Билли. — Он же вроде никогда не ошибался.

— И никогда не ошибается, — сказала она и пожала плечами: — Но и наверняка никогда не знаешь. Правильно я говорю?

— Это простейшие предосторожности, — сказал Бэрн. — Ты бы видел мой дом. Посиди здесь пару дней, перевари все. Мы будем держать тебя в курсе. У нас везде глаза и уши, мы знаем, что искать. Предложение перед тобой. Скорее перезванивай, ладно?

Билли безнадежно покачал головой:

— Господи, что ж вы так насели...

— И думай, что хочешь, — сказал Бэрн, — но думай про себя, идет? Кэт? — Коллингсвуд легонько коснулась кадыка Билли. Тот отдернулся.

— Ты чего?.. — начал он.

— Вот теперь попробуй потрепаться, — сказала она. — Это для твоего же блага. Можешь мне поверить.

— Я тебе не верю.

— И правильно делаешь.

– Смотри внимательно. Это мой номер, – Бэрон дал визитку.

– Мой ты пока не получишь, – сказала Коллингсвуд. – Еще не заслужил.

– Что угодно тревожное, что угодно странное, – сказал Бэрон, – или наоборот, когда решишь, что ты с нами...

– Если, – сказал Билли.

– Когда решишь, что ты с нами, – звони.

Что угодно странное. Билли вспомнил труп в бутылке. Та посеревшая кожа, те глаза утопленника.

– Серьезно, – тихо сказал он. – Что они сделали с тем парнем? Как они вынесли кальмара?

– Ну, мистер Хэрроу, – сказал Бэрон. Дружелюбно покачал головой: – Я ведь уже говорил. Все эти «как» – не самый полезный способ взглянуть на вещи. И, черт подери, ты еще очень многого не видел. Как ты вообще можешь понять, что происходит? Если бы даже захотел. А в этом случае ты знаешь, что делать.

Итак. Вместо того чтобы пытаться осмыслить то, чего осмыслить не можешь по определению, я предлагаю просто подождать. Поживем – увидим. Потому что ты действительно увидишь. Будет еще много интересного. А теперь – до свидания.

У входа в квартиру, где возилась Коллингсвуд, остались отметины. Маленькие царапины. Крышечка из бальзы заподлицо с деревом. Он щелкнул по ней ногтем.

Билли не торопился доверять той защите, которую ему предоставили. Запер дверь на два замка. Уставился в окно на крышу, где невидимой залегла та гребаная белка-замарашка. Чтоб она захлебнулась в дождевой воде.

Он поискал онлайн, но не нашел ни малейшей подробности об ОПФС. Тысячи организаций с этой аббревиатурой, но никакого отдела Бэрона. На университетской странице Варди Билли прочитал список его публикаций: «Эдип, харизма и Джим Джонс»; «Сейид Кутб и проблема психологической организации»; «Диалектика Уэйко»⁹.

Билли пил вино перед телевизором без звука – театр теней в склянке. Часто ли, думал он, делают такие предложения? Из платяного шкафа выходит рыцарь и зовет в другое место – *но идти надо сейчас*. А спрут, он еще где-то существует или

⁹ Джим Джонс (1931–1978) – американский проповедник, убедивший свою секту «Храм народов» совершить массовое самоубийство в городе Джонстаун, Гайана. Сейид Кутб (1906–1966) – идеолог политического ислама в Египте. Был повешен по обвинению в покушении на президента Египта. Уэйко – город в Техасе, где в 1993 году произошла осада «Маунт Кармел» – ранчо секты «Ветвь Давидова» – силами ФБР. Во время осады погибло 82 члена секты, в том числе 20 детей.

уничтожен? Билли не доверял своим потенциальным коллегам. Он невысоко оценил их методы вербовки.

В свете телевизора он смотрел, как вяло висят шторы, и вспоминал свою ужасную находку в музейном подвале. Он не чувствовал себя особенно уставшим. Представил окно за тканью. Резко проснулся в панике на софе.

Когда, блин, он уснул? Он не помнил перехода. С него соскользнула книга, как сверхмалое одеяло, — он даже не помнил, чтобы начал читать. Было темно. Билли осознал, что слышал стук в дверь.

Легкая дробь, будто по той стороне дерева бежал геккончик. Царапанье ногтей и — да — шепот. Билли молчал. Он сказал себе, что это остатки сна, но нет. Вот оно снова.

Билли прокрался на кухню и взял нож. Слабые-слабые звуки продолжались. Он прижался ухом к двери. Отпер, в изумлении наблюдая за собственной смелостью и скрытностью ниндзя. Толкнув дверь, Билли понял, что, конечно же, должен бы позвонить Бэрону, вместо того чтобы ударяться в некомпетентный вигилантизм. Но его уже тащила инерция, дверь открывалась.

В коридоре было пусто.

Он всмотрелся в соседские дверные проемы. Ни заметных сквозняков, ни порывов воздуха, намекающих, что кто-то быстро закрыл дверь. Ни танцующей пыли. Билли смотрел на пустоту. Он постоял так несколько мгновений, потом минут. Высовывался, как галыунная фигура, заглядывая как

можно дальше в коридоры, но ногами оставаясь в квартире. По-прежнему ничего.

Той ночью он не спал в своей кровати. Перенес одеяло на софу, поближе ко входной двери, чтобы слышать. Звуков больше не было, но глаз он почти не сомкнул.

Наутро он съел тост в слишком тихой квартире, где еще больше тишины давило на окна снаружи. Он немного раздвинул занавески – только чтобы видеть грязный серый день, сплетения деревьев, листьев и коричневых целлофановых пакетов, неподвижную лежку беличьего вуайериста.

У него никогда не было изобилия друзей, но Билли нечасто чувствовал себя одиноким – по крайней мере, так, как сейчас. «Зайди плз, – написал он Леону. – Есть одна тема». Ему казалось, будто он вырывается из западни, куда его посадили Коллингсвуд и Бэрон. Отважный, непокорный зверек. Он надеялся, что этот побег – не то же самое, что отгрызть себе ногу.

Когда прибыл Леон, Билли опять висел в дверном проеме. – Что у тебя тут за херня? – спросил Леон. – Такой странный вечер – пока добирался, три раза влез в драку, а я же пацифист. Почту тебе принес, кстати. И вино. – Он протянул целлофановую сумку. – Хоть еще и рано. Какого хрена происходит? Чем обязан?... Господи, Билли!

– Входи, – Билли забрал сумку и конверты.

– Как я уже начал спрашивать – чем обязан двум встречам

за такое короткое время?

– Выпей. Ты не поверишь.

Билли сел напротив Леона и открыл рот, чтобы рассказать все. Но не мог понять, с чего начать – с тела в банке, с полицейских или с их странного предложения. Язык шлепнул, на миг став просто куском мяса. Билли сглотнул. Он словно отходил после стоматолога.

– Ты не понимаешь, – сказал он Леону. – Я никогда не ссорился с папой по-настоящему, мы просто перестали общаться. – Он осознал, что продолжает разговор нескольких месяцев давности. – Вот брата я не любил. С ним я порвал специально. Но с папой...

Отца он просто считал скучным, вот и все. Билли всегда казалось, что этот немного агрессивный мужчина, который жил после смерти матери один, считал его таким же. Прошло уже несколько лет с тех пор, как их связь зачахла.

– Помнишь, что раньше показывали в субботу утром? – спросил Билли. Он же вроде хотел рассказать Леону про человека в банке? – Я помню один случай. – Он показывал отцу какой-то мультик, который его самого заворожил, и видел на лице отца удивление. Неспособность сопереживать увлечению мальчика или даже притвориться. Годы спустя Билли решил, что в этот самый момент – а ему тогда было не больше десяти – он и начал подозревать, что у них нет ничего общего.

– У меня, кстати, есть тот мультик, – сказал он. – Нашел

недавно на каком-то сайте. Хочешь посмотреть? – Произведение Хармана и Айзинга 1936 года он пересматривал много раз. Похождения стеклянных обитателей аптекарского шкафа. Странно – и пугающе.

– Знаешь, как бывает, – сказал Билли. – Иногда, когда я что-нибудь консервирую или еще чем-нибудь занимаюсь в лаборатории, замечаю за собой, что напеваю оттуда какую-нибудь песенку. «Духи аммиа-а-ака...»

– Билли, – Леон поднял руку. – Что происходит?

Билли осекся и попытался снова рассказать, что случилось. Сглотнул и боролся с собственным ртом, словно выплевывал какое-то студенистое инородное тело. И с выдохом наконец заговорил о том, что хотел. О том, что нашел в подвале. Рассказал, что ему предложила полиция.

Леон не улыбался.

– Тебе можно это рассказывать? – спросил он наконец.

Билли рассмеялся:

– Нет, но сам понимаешь.

– В смысле, это же буквально невозможно – то, что произошло, – сказал Леон.

– Я знаю. Знаю, что невозможно.

Они долго смотрели друг на друга. Леон начал:

– Есть... Может, есть многое на свете...

– Если сейчас процитируешь мне Шекспира, прикончу на месте. Господи, Леон, я нашел покойника в *банке*.

– Суровая хрень. И тебя пригласили присоединиться? Бу-

дешь копом?

– Консультантом.

Когда Леон приходил посмотреть на кальмара – много месяцев назад, – он сказал «вау». Такое «вау», которое больше для скелета динозавра, королевских драгоценностей, акварели Тернера. «Вау», как у родителей и партнеров, которые приходили в Центр Дарвина только ради кого-то другого. Билли был разочарован.

– Что будешь делать? – спросил Леон.

– Не знаю. – Билли посмотрел на почту, которую принес снизу Леон. Два счета, открытка и тяжелая посылка в коричневой бумаге, старомодно завязанная ворсистой веревочкой. Он надел очки и перерезал ее.

– Видишь в последнее время Маргиналию? – спросил он.

– Ага, и не говори ее имя таким тоном, а то попрошу ее объяснить тебе его смысл, – сказал Леон. Он возился с телефоном. – У нее там целый спич.

– Я тебя умоляю, – сказал Билли. – Дай угадаю. «Ключ к тексту лежит не в самом тексте, а...» – Он нахмурился. Он не понимал, что разворачивает. В посылке был прямоугольник из черного хлопка.

– Я ей как раз пишу, она будет в восторге, – сказал Леон.

– Ой, Леон, только *не говори* ей, что я сказал, – сказал Билли. – А то я и так сказал больше, чем стоило... – Он потыкал в ткань.

Бандероль сдвинулась.

– Бля...

– Что? Что? Что?

Они оба вскочили. Билли уставился на посылку, неподвижно лежащую на столе, куда он ее уронил. Стояла тишина. Билли достал из кармана ручку и аккуратно ткнул в хлопок.

Ткань поддалась. Посылка раскрылась.

Она расцвела. Со вздохом она расплющилась, расширилась, расщелкнулась и распространилась, и из нее потянулась рука. Человеческая рука в рукаве темного пиджака. С проблеском белой рубашки. Возникшая рука схватила Билли за горло.

– *Господи...* – Леон потащил Билли в сторону, а посылка, все еще цепляясь, потащила *назад*, упираясь ни во что.

Билли остался на месте, а посылка продолжала разворачиваться. Распускались и шлепали языки хлопка, черные и синие, и еще теперь *туфли* – на вываливающихся конечностях, словно их материя распрямлялась из комка. Неуклюже, как пожарные шланги, развернулось еще больше рук и с силой оттолкнули Леона.

Как растение на промотке, с кряхтением от натуги, с затхлым запахом пота и пердежа, внезапно на столе Билли встали мужчина и мальчик. Мальчик уставился на Леона, поднимавшегося на ноги. Мужчина все еще держал Билли за горло.

– *Чтоб* меня, – сказал мужчина. Спрыгнул со стола, не от-

пуская Билли. Мужчина был жилистым, в старых джинсах и грязном пиджаке. Он тряхнул длинными седеющими волосами. – Чтоб я провалился, сидеть там – просто ужас что. – Он посмотрел на Леона. – А? – прикрикнул так, словно ожидал сочувствия.

Мальчик медленно шагнул на стул, со стула – на пол. На нем был чистый костюм на размер больше: лучший воскресный.

– Подь, малой. – Мужчина облизнул пальцы свободной руки и прижал взъерошенные волосы мальчика.

Билли не мог вздохнуть. Вокруг смыкалась тьма. Мужчина отшвырнул его к стене.

– Ну ладушки. – Мужчина показал на Леона, который застыл, будто пришпиленный жестом. – Следи за ним, Сабби. Глаз не спускай, как суслик. – Он показал двумя пальцами на свои глаза, потом на Леона. – Только дернется – устрой ему мама-не-горюй. Так-то. – Мальчик уставился на Леона слишком широкими глазами.

– Ага, – сказал мужчина. Принюхался к косяку. – А она ничего. Хорошая работенка, скажу за себя любимого и за своего пацана. Потому как чего здесь нет, так это запрета на выход. А коль мы уже здесь, выбратся-то нам ничто не помешает. – Он наклонился к Билли: – Говорю, *выбратся* ничего не помешает. Об этом-то головой и не подумал, а? Поганец мелкий.

Билли издал горлом скрежет. Мужчина приложил палец к

губам, выжидательно глянув на мальчика, который медленно сделал так же и тоже показал Билли «ш-ш-ш».

– Госс и Сабби снова на коне, – сказал мужчина. Вывалил язык и попробовал воздух на вкус. Зажал Билли рот, и тот закашлялся в холодную ладонь. Мужчина переходил из комнаты в комнату, волоча за собой Билли, облизывая пол, стены, выключатели. Провел языком по экрану телевизора, оставив в пыли дорожку слюны.

– Какие-какие-какие у тебя тут экземплярики, лепидоптеролог ты наш? – сказал он шкафу. Доставал книги и ронял на пол. – Не, – сказал он. – На вкус говно сплошное.

Леон вдруг вскочил и бросился на него. Мужчина спируетил, и Леон растянулся на полу.

– А ты у нас кто? – спросил он. – Друг нашего юного мастера, хм? Боюсь, все врачи согласятся, что пареньку нужно полное уединение, и хоть твои выходки тонизируют, они нашему молодому мистеру Бильяму ой как не на пользу. Придется тебя слопать, несчастная ты моя печенька.

Леон сдвинулся, и мальчик шагнул к нему – весь пираньи глаза. Мужчина с хрипом выпустил дым, хотя не курил и дым не втягивал.

– Нет... – сказал Леон. Мужчина открыл рот, и рот все открывался и открывался, и Леон пропал. Мужчина промокнул уголки губ, как мультяшный кот.

– Ну что же, – сказал он Билли, который хватал ртом воздух и боролся с непреклонными пальцами. – Вещички на

выход собрал? Зубную щетку не забыл? Молочнику записку оставил? Ну и хорошо, тогда стартуем. Сам знаешь, какие нынче аэропорты, да и малыша Томаса вот укачивает, да и я не хочу застревать в очереди за туром в Айю-Напу, можешь себе такое представить? Все кормил ты меня завтраками на счет тихого отпуска – и вот пора, Билли, уже реально пора. – Он сцепил руки и поднял бровь. – И нечего бухтеть, – сказал он мальчику. – Ну я с вами не знаю, просто не знаю, ну и парочка! В путь.

Поташив Билли за шею, мужчина вывел его наружу.

Часть вторая

Движение бездн движения

10

Когда Кэт Коллингсвуд была ребенком, а потом подростком, большинство учителей испытывали к ней либо равнодушные, либо умеренную неприязнь. Один – учитель биологии – не любил ее особенно активно. Она осознала это довольно рано и даже смогла для себя выразить и понять его резоны с некоторой ясностью.

С мнением о том, что она мрачная, Коллингсвуд не спорила, но считала это не его делом, как и его неодобрение ее компании. Он считал ее хулиганкой – в чем, она бы сказала, был прав процентов на 65. Запугать больше половины класса ей действительно было легко, чем она и занималась. Но то мелкие пакости, совершавшиеся без удовольствия, рассеянно, почти из чувства долга – лишь бы не лезли к ней.

Коллингсвуд не особенно задумывалась, почему ей так легко чинить страдания, как часто ощутимый эффект имели всего лишь взгляд или слово – или того меньше. Впервые она об этом задумалась, когда заткнула рот того учителя.

Ей было тринадцать. Каким-то очередным проступком

она довела одноклассника до слез, и мистер Биринг тряс перед Коллингсвуд маркером для доски, как дубинкой, и говорил: «Ах ты, маленькая дрянь! Маленькая мерзавка!»

Он отвернулся, качая головой, чтобы что-то написать на доске, но Коллингсвуд вдруг рассвирепела. Ее совершенно не устраивала подобная характеристика. Она даже не смотрела на затылок мистер Биринга, а гневно уставилась на ногти и щелкнула языком, и в груди вдруг налился какой-то холодный пузырь и лопнул.

Вот тогда Коллингсвуд подняла взгляд. Мистер Биринг перестал писать. Он стоял неподвижно, с рукой у доски. Двое-трое других детей в замешательстве озирались.

С превеликим интересом, с ощущением довольного удивления Кэт Коллингсвуд поняла, что мистер Биринг больше никогда не назовет ее маленькой дрянью.

И все. Он снова начал писать. Не поворачиваясь к ней. Она отложила на потом вопросы, как это произошло и откуда она знала, что это вообще произошло. Взамен она откинулась и покачалась на задних ножках стула.

После этого момента Коллингсвуд стала обращать внимание на свои негласные вмешательства: случаи, когда заранее знала, что скажут ее друзья или враги; когда лишала дара речи человека на другом конце комнаты; когда находила потерю, которая, если честно, вряд ли могла быть там, где она на нее натыкалась. Коллингсвуд начала задумываться.

Не то чтобы она плохо училась, но ее учителей наверняка впечатлило бы, с каким усердием она принялась за этот научный проект. Начала она с пробного поиска в Сети, собрала пару книг и документов. Большинство скачивала с абсурдных сайтов – для подобных текстов не особенно подходило понятие авторского права. Названия тех, что ей попадались, она скрупулезно записывала и заказывала у удивленных и даже озабоченных библиотекарей и книгопродавцов. Раз или два даже находила.

Не раз она пробиралась по заросшей парковке и влезала в окна давно заброшенной маленькой больницы рядом с домом. В тишине бывшего родильного отделения она прилежно выполняла идиотские действия, предписанные текстами. Чувствовала она себя глупо, но делала все как полагалось, зачитывала все фразы.

Она вела записи в блокноте о том, что пробовала, где вычитала, что произошло – если произошло. «КНИГА ТОТА¹⁰ = СКОРЕЕ КНИГА ХЕРОТЫ, – писала она. – «ЛИБЕР НУЛ» = ХРЕН ГНУЛ».

В основном эффекта не было вообще – или не больше того, чем было нужно, чтобы она не бросала попытки (здесь – ускользающий шорох, там – беспричинная тень). Но когда она уставала, теряла терпение, думала «на хрен эту учебу»,

¹⁰ «Книга Тота» – работа Алистера Кроули, посвященная Арканам Таро (1944). «Либер Нул» (Liber Null) – книга Питера Кэрролла, описывающая теорию и практику Магии Хаоса (1978).

когда становилась плодотворно неточной – тогда получалось лучше всего.

– Все на сегодня. Можете уйти домой пораньше. – Собирая учебники вместе с остальным классом, Коллингсвуд наблюдала за шоком мисс Эмбли от собственных слов. Женщина изумленно коснулась собственного рта. Коллингсвуд щелкнула пальцами. Со стола мисс Эмбли скатилась ручка.

И потом: «Что она делает, сэр?» – спрашивала в классе какая-то девочка ошеломленного учителя, показывая на золотую рыбку, плавающую по весьма неестественной траектории. Незамеченная, Коллингсвуд продолжала то, что начала из усталого каприза, – царапала ногтями парту, будто диджеила под рингтон однокашника, чей ритм стал неожиданно определять мотание рыбки туда-сюда.

Это было много лет назад. С тех пор, конечно, прошло много работы над собой, немало доводов, бесчисленные эксперименты, но на пути всех изысканий по-прежнему стояло врожденное нетерпение Коллингсвуд. Она пришла к пониманию, что оно-то и станет ее главным пределом. Что она, вне всяких сомнений и без лишней скромности, неслабый талант и да, без проблем сделает на этом карьеру, но никогда не станет самой лучшей. С тех дней она встречала одного-двух таких – самых лучших. Узнавала их в тот же миг, когда они входили.

Но у ее предела имелись неожиданные эффекты, и не все отрицательные. Отсутствие строгой дисциплины для вопло-

щения знаний на высочайшем уровне размывало их, смешивало их элементы, взбалтывало с побочными эффектами. По большей части последствиями, которыми она пренебрегала, или изъянами, но только по большей части.

Например, сигнализацию, которую Коллингсвуд установила на двери Билли, она настроила именно на вход. То, что она срабатывала, пусть и слабо, в случае *выхода*, было результатом не авторского замысла, а мощных, но халтурных методов Коллингсвуд.

Перфекционист был бы недоволен. Зато перфекционист ничего бы не узнал, когда посторонние увели Билли из квартиры, в которую никогда не вламывались, – в отличие от Коллингсвуд, вскочившей и не сразу пришедшей в себя спросонья под гонг сердца и нытье в ушах.

Они сидели в помятой машине. Человек по имени Госс вел. Мальчик, Сабби, держал Билли за руку на заднем сиденье.

Сабби был без оружия и давил несильно, но Билли не шевелился. Его парализовало то, как мужчина и мальчик развернулись в комнате – невероятное вторжение, хмельная хмарь мира. Мысли Билли запинаясь по кругу. Его как будто волокли по времени. На небе за машиной было пятно голубей – голубей, которые как будто следили за ним уже несколько дней. «Что-за-хрень-что-за-хрень», – думал он. И еще: «Леон».

В машине пахло едой, пылью и иногда дымом. Лицо Госса не подходило ко времени. Его будто выкрали из пятидесятых. Была в нем какая-то послевоенная жестокость.

Дважды рука Билли дергалась, и он представлял, как быстро группируется, распахивает дверь и выкатывается на улицу, подальше от этих эзотерических похитителей. Просит о помощи у покупателей в той турецкой бакалее или в том местечке с гамбургерами «Уимпи», убегая через... Где они, в Бэleme? Каждый раз, когда приходила эта мысль, Госс говорил «ц-ц», рука Сабби сжималась, и Билли оставался на месте.

У Госса не было сигарет, но каждые несколько выдохов

он выпускал сладковатый древесный дым, который заполнял машину и снова рассеивался.

– Ну что за ночка-хреночка, а? – сказал он. – Ась, Сабби? Это что там за моционы? Кто-то вышел на прогулку, хотя не должен был, да? Кто-то проснулся, Сабби. – Он опустил окно – старомодной крутящейся ручкой, – посмотрел на небо, снова поднял.

Они неслись через улицы, в которых Билли уже вконец запутался. Должно быть, они в зоне третьей или четвертой, где все лавочки – ключники или канцелярские товары от ИП. Сетевых магазинов на глаза не попадалось. Ни кофе с Западного побережья, ни «Теско». Ну разве это улицы? Гаражи, дровяные склады, залы дзюдо, холодные мостовые, где тихо шевелился мусор. Небо сомкнуло последнюю шелку, и наступила ночь. Билли и его похитители ехали вдоль рельс, следуя за освещенным поездом. Он их куда-то вел. Остановились они у темной арки.

– Бегом, – сказал Госс. Подозрительно поднял голову и приняхался. Вытащил Билли из машины. Тому казалось, его стошнит. Он покачнулся. Госс выдохнул очередной свой дымный выдох. Отпер дверь в гофрированном железе и втолкнул Билли в темноту. Откуда-то его дернул за руку Сабби.

Госс заговорил, будто они давно беседовали с Билли: «Этот, значит?» – «Не знаю; может быть, все готово?» – «Ну ладно, открывай дверь. Готов?»

Что-то открылось. В лицо Билли чем-то дохнуло. Госс прошептал: «Теперь тихо будь».

В помещении пахло сыростью и потом. Что-то сдвинулось. Раздался звук – кашель и треск. Загорелся свет.

Окон не было. Пол – грязный цемент. Изогнувшиеся над головой кирпичи – карты плесени. Зал казался огромным. Госс стоял у стены с рукой на рычаге, который только что повернул. Комнату переполняли лампы – болтались на проводах и торчали грибами из трещин стен.

Госс мягко ругнулся, будто на любопытных свиней. Билли услышал радио. Их ждал круг людей. Фигуры в кожаных куртках, темных джинсах, берцах, перчатках. Некоторые – в футболках с группами, все – в мотошлемах. У них были пистолеты, ножи, мультяшно злобные дубины с гвоздями. Радио играло классическую музыку пополам с помехами, размытую. На четвереньках стоял голый человек. Его губы трепетали. Над каждым соском в его теле были ручки настройки. Они не кровоточили, но заметно торчали из тела. Из его открытого рта и доносились звуки радио. Его губы двигались, чтобы изобразить музыку, помехи, призраки других станций.

На кирпичном постаменте был человек. Старый тощий панк с шипастой прической. Его рот закрывала бандана. Глаза были такими широкими, что он казался невменяемым. Он тяжело дышал, маска выгибалась и опадала, и он потел на холоде. Голый выше талии. Сидел на стуле, с руками на ко-

лениях.

Билли мутило и шатало ото всего, что случилось этой ночью. Он пытался не верить своим глазам. Пытался представить, что сейчас проснется.

– Билли, сука, Хэрроу, – сказал панк. – Проверь, что там делает эта мелкая сучка.

Одна из фигур в шлемах крутанула ручку на груди радиочеловека, и его рот с окончанием песни принял новые формы. Он зашептал краткими урывками и произносил еле слышные диалоги, мужские и женские голоса.

«Поняла про ic2¹¹, сержант», – сказал он, и «Звякни Варди, ладно?», и «Время прибытия 15 минут, конец связи».

– Еще не добрались, – сказал человек в бандане. – К тебе домой едут. – Голос у него был громкий и низкий, с лондонским акцентом. Госс подтолкнул Билли ближе. – Значит, отрядили этих, – сказал панк. – Ну что, Билли Хэрроу, мне придется выпытывать? Можешь просто сказать, с кем ты и что делаешь? Просто сказать, пожалуйста-пожалуйста, что там сегодня происходит, что ты разбудил. Потому что на улицах что-то есть. А самое, сука, главное, какой, сука, у тебя интерес?

– Что все это значит? – наконец прошептал Билли. – Что вы сделали с Леоном?

¹¹ Идентификационные коды британской полиции. IC2 – «белый, южный европеец».

– С Леоном?

– Ну знаешь, как бывает, – сказал Госс. – Только оба положили глаз на один волован, как хватъ – а уже все съели.

Госс держал Билли, как куклу. В руки Билли вцепились ладошки малыша Сабби.

– Что происходит? – спросил Билли. Он озирался, таращился на радиочеловека; он не понимал. – Что все это значит?

Сидящий вздохнул.

– Твою-то мать, – сказал он. – Все-таки прикинулся ветошью. – Его буравящие глаза не изменились ни капли. – Давай так спрошу, Билли. Ты что за хрен?

Панк поерзал на стуле. Слегка приподнял руки. Яростно заморгал.

– На кого работаешь? – спросил он. – Что ты такое? – Тут Билли осознал, что платок не надет в ковбойском стиле, а кое-как засунут человеку в рот. У него был кляп. Он потрянул руками, и Билли увидел, что у него наручники.

– *Поверни гребаную бабку!* – продолжал голос человека, который не мог говорить. – Повернись. – Один из охранников в шлемах вlepил ему сильную пощечину, и тот приглушенно закричал в кляп: – Поставьте этого придурка! – Два охранника вздернули его под мышки. У него заболталась голова. – Посмотрим, – сказал голос. Охранники развернули его к задней стене.

Появились краски. Вся спина человека без одежды была

сплошной татуировкой. По ее краям дымились красочные завитки, кельтские фракталы. В центре находилось большое стилизованное лицо с черными контурами. Резкое, мастерски исполненное. Мужское лицо неестественных цветов. Язвительное старое лицо с красными глазами – где-то между профессором и дьяволом. Билли таращился.

Татуировка шевельнулась. Глаза из-под тяжелых век встретились с глазами Билли. Он уставился на нее, а татуировка уставилась в ответ.

Билли закричал от шока и попытался отшатнуться. Госс удержал.

Охранники подпирали человека с панковской прической. Набитые глаза татуировки ходили из стороны в сторону, как в анимации, будто на спину проецировали мультфильм. Когда татуировка поджимала губы, следила за Билли, поднимала брови, ползали жирные черные очертания, сдвигались истемна-синие, сине-зеленые, медные участки кожи. Она открыла рот – и открылась дыра черных чернил, нарисованная глотка. Она заговорила все тем же глубоким лондонским голосом:

– Где кракен, Хэрроу? Чего ты добиваешься? Что от тебя хочет банда Бэрона?

Человек-радио шептал помехами.

– Что ты?..

– Дай я объясню нашу проблему, – сказала татуировка. Мужчина, на спине которого она была, бился в хватке охранников. – Моя проблема – тебя никто не знает, Билли Хэрроу. Ты взялся из ниоткуда. Никто про тебя не в курсе. И было бы мне все это до лампочки – но кракен, мужик. Этот кракен – не хухры-мухры, приятель. И он пропал. А это плохо. За такими вещами ангел во все глаза приглядывает. Хоть и хреново приглядывает, а? Короче: я не врубаясь, что ты сделал

или как. Не хочешь меня посвятить?

Билли пытался придумать что-нибудь, что сказать, что угодно, чтобы эти невозможные похитители его отпустили. Он бы сказал все. Но не мог понять ни единого слова из вопросов татуировки.

Тени сдвинулись.

– Ты ходишь под бэроновскими, – сказала татуировка. – Так себе вкус, но я могу спасти тебя от тебя же. Все, теперь мы с тобой работаем вместе, у нас друг от друга секретов быть не может. Так что вводи в курс. – Татуировка тарасилась. – Что там за дела?

Люди раскладываются, люди – генераторы, чернила ездят на человеке.

– Ну вы гляньте на него, – сказала татуировка. – Чист, как Христос, да? Говоришь, дома у него пусто?

– Ни черта не почувствовал, – ответил Госс. Харкнул и сглотнул то, что попало в рот.

– Кто забрал кракена, Билли? – спросила татуировка. Билли попытался ответить. Настала долгая пауза.

– Слушай, – сказал Госс. – Он что-то знает.

– Нет, – медленно ответила татуировка. – Нет. Ошибаешься. Не знает. Видать, это дело для мастерской. – Человек затрясся и застонал, и охранник снова его ударил. Татуировка закачалась вместе с телом-носителем. – Ты знаешь, что нам нужно, – сказала она. – Веди его в мастерскую.

Человек, который был радио, прошептал плохо настроен-

ный прогноз погоды.

Госс тащил Билли, из-за чего его ноги переступали с новой скоростью, как в фарсовой мультяшке. Следом шел малыш Сабби.

– Отвалите, – резко выдохнул Билли. Госс улыбнулся, как дедушка.

– Слушайте и повинуйтесь, – сказал Госс. – Мне больше нравится, когда ты очень-очень тихий, – добавил он. – За этой дверью, сразу за дорогой, мы вскроем капот, покопаемся да поглядим, что там стучит в старушке. – Он похлопал Билли по животу. – Мы же тут все за переработку отходов, все вносим свою лепту, во имя глобального потепления, полярных мишек и всего такого прочего. Будет для нее новая жизнь – в виде холодильника.

– Стойте, – прошептал Билли. Только шептать он и мог. – Слушайте, я могу...

– Чего ты можешь, дурилка? – спросил Госс. – Я вот не смогу себе простить, если позволю тебе встать на пути прогресса. Тут не за горами, значит, инновации с пылу с жару, и все должны быть готовы. Заживем, как никогда.

Госс открыл дверь на холод и столб фонарного света. Сабби вышел. Госс толкнул Билли вслед за ним на четвереньки. Вышел сам. Билли выставил руки. Почувствовал внутри прилив. Услышал звон разбитого стекла.

Билли пополз. Госс не погнался. Сабби не шелохнулся.

Воздух застыл. Билли не понимал. Не двигалось ничего, кроме него – секунду, две, – и не слышал он ничего, кроме собственного сердца. Потом в ушах снова зашумел воздух, и только тогда – запоздало – стекло из какого бы то ни было разбитого окна наконец упало на землю, и Госс сдвинулся, тряхнув головой в секундном замешательстве, глядя на место, где Билли уже не было.

Что-то столкнулось с Сабби. «Уф», – сказал он и улетел на несколько метров. Человеческий силуэт во тьме замахнулся трубой. Госс взвизгнул. Напавший вломил в него металл. Раздался звук, будто Госс тоже из металла. Он даже не пошатнулся. Бросился туда, где раскинулся, моргая, Сабби.

Человек с трубой схватил Билли. Он был большим, грузным, но проворным, коротко стриженным, в черной и поношенной одежде. На него упал слабый свет фонаря.

– Дейн? – охнул Билли. – *Дейн!*

Они бежали по мелкой грязной недоулочке вдоль путей на насыпи, подальше от ужасной арки. Прошел поезд – рокочущий свет в небе. Где-то позади Госс присел над Сабби.

– Давай, – сказал Дейн. По кирпичному забору рядом что-то пробежало – Билли не разглядел. – У нас две минуты, пока они не очухались. Одна минута, пока их босс не понял, что случилось. У тебя кровь. Госс ее чувствует.

Прошел еще один поезд. С далеких улиц донесся шум машин. Дейн подгонял Билли.

– Мне они не по зубам, – сказал Дейн. – Этого зацепил только потому, что они не ожидали. Плюс еще там был...

Дейн гнал их изощренным маршрутом, пока они не выбрались из кирпичного лабиринта. Они были в парке – единственные фигуры на улице. У силуэтов скучившихся деревьев Дейн отпер машину и затолкнул Билли.

Билли понял, что у него борода из крови. Вся рубашка заляпана. В какой-то момент в течение этой ночи грубого обращения ему наконец рассекли губу. С нее капало.

– Блин, – пробормотал он. – Блин, прости, я...

– ...один из долбаков, – сказал Дейн. – Пристегивайся. – От стены через пустую дорогу что-то прошуршало, из канавы – в машину. Белка свернулась под сиденьем. Билли уставился на нее.

– Цыц, – сказал Дейн. Стронулся и набрал скорость. – Если б не этот мелкий орехогрыз, я бы тебя не нашел. Он пролез в машину Госса.

Они вырулили на свет, добрались до улицы, где были шоферы и гуляющие у ночных кафе и пассажей. Билли казалось, он расплывается при виде людей. Он как будто вынырнул из-под толщи воды, будто наконец-то попал в настоящую ночь. Дейн передал ему салфетку:

– Рот вытри.

– Леон...

– Вытри кровь. Нам не надо, чтобы нас тормознули.

– Надо остановиться, надо обратиться в полицию... –

«Правда? – подумал Билли одновременно с тем, как это сказал. – Ты уже не в том мире, чтобы вызывать полицию».

– Нет, – сказал Дейн, словно услышал этот монолог. – Просто нет. – «Ты же и так это понимаешь, да?» – Мы просто будем ехать. Вытри рот. Я нас вытащу.

Билли смотрел на квартал Лондона, который узнавал не больше, чем какой-нибудь Триполи.

– Ну, это же просто охренеть замечательно, да? Просто охренеть изумительно. – Бэрн метался по квартире Билли. Качал головой, глядя на стены, сплетал и расплетал руки. – Ровно так, как мы и задумывали. Просто чудненько.

Он топотал мимо команды, снимавшей отпечатки. Коллингсвуд стояла к ним спиной, но туда, где она стояла, изучая дверной проем Билли, доносились порывы их презрения.

Она не читала мысли. Насколько она знала, никто не читал: в каждой отдельно взятой голове они рассыпаются на слишком много перехлестных и встречных потоков, и слова, частично составляющие некоторые из потоков, противоречат и сбивают. Но раздражение такой силы все же транслировалось, и Коллингсвуд – как и большинство людей, у которых была такая фишка, – автоматически переводила его в текст, хоть и знала, что получается отсебятина.

*кем этот мудель ся возмнил
нах этих шибздигов пусть работают настоящие копы
а с какого хера сучка курит*

Она повернулась и заговорила с тем, кто мыслил последний обрывок:

– С такого, что вам сказали не мешать нам делать все, что захочется, да? – сказала она и смотрела, как кровь отливает от его лица. Она переступила через разбросанные книги и

последовала за Бэроном. Взяла почту со стола.

– Ну? – сказал Бэрон. – Есть мысли?

Коллингсвуд пропустила вопрос мимо ушей – сосредоточилась на следах всего биллинского. Коснулась пальцем косяка, где пятна внимания Билли читались, как сообщения, которые приходится разбирать на разбитом экране телефона.

*эт что она такое тут сделала эта девушка
нельзя войти*

она ничего я б не прочь

– Что ухмыляешься? – спросил Бэрон. – Что-то есть?

– Ничего, босс, – сказала она. – Знаешь что? Нет. Не вдуплю. Моя штука все еще работала, когда я приехала, понимаешь? Потому мне и пришлось тебя впускать. Без приглашения никак не войти, а ты видел Билли-боя: после того, что мы рассказали, он ссал впускать тех, кого не знал.

– И что случилось? Не погулять же он вышел, ну?

– Да уж нет. – Она пожала плечами, глядя на следы борьбы. – Кто-то его забрал.

– Тот, кто не мог войти.

Она кивнула.

– Тот, кто не входил, – сказала она.

Из спальни, где он изучал вещи Билли, появился Варди. Присоединился к ним на кухне.

– Это еще не все, – сказала Коллингсвуд. Описала фигуру руками, нарубила воздух. – Сегодня случилось что-то круп-

ное. Крупное, как когда стырили кракена. Не знаю что, но там что-то бродит.

Бэрон медленно кивнул.

– Проф, – сказал он. – Может, у тебя есть какие-нибудь светлые мысли? Не желаешь ли *пересмотреть* свое мнение о маловероятности нападений со стороны твоих тевтанутых?

– Нет, – кратко ответил Варди. Сложил руки. – Не желаю. Не желаешь пересмотреть свой тон? Не могу сказать, *что* тут случилось или *кто*, что и с кем сделал, но, раз уж спрашиваешь, *нет*. На мой взгляд, это *не* тевтизм. – Он закрыл глаза. Коллеги наблюдали, как он пропускает через себя все окружающее, когда работает. – Нет, – повторил он, – это на них не похоже.

– Ну, – вздохнул Бэрон. – Мы сели в лужу, дамы и господа. Наш звездный свидетель и потенциальный коллега ушел в самоволку. Известно, что охранный система не подвела. Делала то, что должна. Но еще известно, что ее одновременно задели и не задели. Это я правильно понял?

– Типа того, – ответила Коллингсвуд. – Она сработала наоборот. Разбудила меня. Я сперва не поняла, в чем дело.

– Она же охватывала и окна? – спросил Варди. Коллингсвуд уставилась на него. – Ну ладно, – сказал он. – Надо же было спросить.

– Не надо, – сказала она. – Я же сказала. Никто не мог войти. Только выйти.

– Никто?

– Что ты пристал? Я не говорю, что не бывает никого сильнее меня – сам знаешь, что бывает. Если бы кто-то вошел, она бы сработала и я бы знала. Никто не вламывался... – Она осеклась. Переводила взгляд с письма на письмо. Посмотрела на картонную книжную коробку. – Никто не вламывался, – сказала она. – Кто-то что-то прислал. Смотрите. Штемпеля нет, доставили лично. – Она взвесила коробку. Принюхалась.

Варди убрал руки с груди. Коллингсвуд шевелила пальцами над бумагой, шептала, прогоняла процедуры и подпроцедуры.

– Что такое? – спросил Бэрн.

– Ладно, – сказала она наконец. Из соседней комнаты слышалось и игнорировалось ворчанье других полицейских. – Любая вещь запоминает, какой была, правильно? И, типа, вот это... – Она тряхнула коробкой. – Это помнит, что было тяжелее. Это была полная посылка, а теперь пустая, правильно? Она помнит, что была тяжелее, но не это главное, не это странное.

Она снова пошевелила пальцами, обласкала картонку. Из всех необходимых для работы навыков, пожалуй, хуже всего ей давалась вежливость с неодушевленными предметами.

– А она помнит, что была недостаточно тяжелой. Начальник, – сказала она Бэрону, – что ты знаешь про то, как... – Она раскрыла и сжала кулаки. – Как засунуть здоровую хрень в маленькую хрень?

– Что случилось с Леоном? – спросил Билли.

Дейн глянул на него и покачал головой:

– Меня же там не было, да? Я не знаю. С ним что-то сделал Госс?

– Этот самый Госс и тот мальчик. Было похоже, что...

– Меня там не было. Но придется взглянуть фактам в лицо. – Дейн снова глянул. – Что ты видел, то и видел. Мне жаль.

«А что я видел?» – подумал Билли.

– Расскажи, что он говорил, – попросил Дейн.

– Кто?

– Тату. Расскажи, что он говорил.

– А что это *было*? – спросил Билли. – *Нет*. Это ты мне рассказывай. Откуда ты вообще взялся? – Они петляли по незнакомым ему улицам.

– Не сейчас, – сказал Дейн. – Времени нет.

– *Надо позвонить в полицию* ... – Под сиденьем Билли издала горловой звук белка.

– *Бля*, – сказал Дейн. – У нас нет времени на ерунду. Ты умный, знаешь, что происходит. – Он щелкнул пальцами. Там, где пальцы соударились, слабо вспыхнул свет. – Времени *нет*.

Он тормознул, выругался. Красные огни перед ними ис-

чезли.

– Так что давай без этого. Домой тебе нельзя. Ты и сам знаешь. Там тебя и взяли. Команде Бэрона звонить нельзя. Думаешь, это поможет? Легавые наведут порядок?

– Погоди...

– Та квартира больше не твой дом. – Он говорил как рубил. – Это не твоя одежда, не твои книжки, не твой компьютер, дошло? Ты видел то, что видел. Ты знаешь, что видел то, что видел. – Дейн щелкнул пальцами у Билли под носом, и свет снова засиял. Он резко вывернул руль. – Разобрались?

Да, нет, да, разобрались.

– Почему ты пришел? – спросил Билли. – Бэрон и Варди говорили... Я думал, ты за мной охотишься.

– Жаль насчет твоего друга. Мне это знакомо. Ты знаешь, кто ты такой?

– Я – никто.

– Ты знаешь, что сделал? Я почувствовал. Если бы ты это не сделал, я бы не успел вовремя, и тебя бы отвели в мастерскую. Что-то *происходит*. – Билли вспомнил, как внутри все сжалось, как разбилось стекло, как тянулся момент. – Госс нас уже вынюхивает и вылизывает. Бояться надо того, который на спине.

– Татуировка *разговаривала*.

– Только не начинай. Чудеса уже обычное дело, приятель. И мы знали, что это грядет. – Он прервался и с грубоватым чувством коснулся своей груди у сердца. – Это концы света.

– Конец света?

– Концы.

Казалось, здания материализуются перед машиной из углов и теней, рассыпаются позади. Что-то этой ночью точно происходило.

– Это война, – сказал Дейн. – Здесь живут боги, Билли. И они вышли на войну.

– Что? Но я ни на чьей стороне...

– Ты-то? – сказал Дейн. – Ты сам себе *сторона*.

Билли передернулся:

– Эта татуировка – бог?

– Хрена с два. Это преступник. Гребаный злодей, – вот он кто. Думает, ты пошел против него. Думает, ты украл кракена. Думает, может, ты работал с Гризаментом. – Вот это было певучее имя, прямоком из писаний. – Они никогда не ладили.

– Где спрут?

– Хороший вопрос, да? – Дейн выкрутил руль. – Хочешь сказать, что ничего не чувствуешь? Не видел знаки? *Они* выходят из тьмы. Это время богов. Они поднимаются.

– Что?..

– В жидкости, за плексигласом или стеклом. Это у тебя в *крови*, Билли. Они выходят с небес. Их гонят сезоны. Австралия, здесь, Новая Зеландия.

Все места, где выныривали архитевтисы и мезонихотевти-

сы.

Они были у общественного центра – знак гласил «Церковь Южного Лондона». Улица пропахла лисами. Дейн придержал дверцу. Белка выскочила из машины и скрылась прочь в два-три синусоидных прыжка.

– Лучше говори понятно, Дейн, – сказал Билли, – а иначе я... просто...

– Билли, ну что ты. Разве не я только что тебя спас? Позволь тебе помочь.

Билли дрожал. Дейн ввел его внутрь через чумазные ряды пластмассовых стульев, стоявших лицом к кафедре, в заднюю комнату. Окна были заклеены коллажем из рваных разноцветных салфеток, образуя некий лжевитраж. Были там листовки с рекламой собраний для матерей и детей, продажи недвижимости. Подсобка с запчастями двигателей и плесневеющими газетами, гнутым великом – хлам веков.

– Паства нас укроет, – сказал Дейн. – С ними шутки плохи. Мы им помогаем. – Он открыл люк в полу. Оттуда поднялся свет.

– Вниз? – спросил Билли.

Бетонная лестница вела в коридор с лампами дневного света, отъезжающими воротами – как дверь грузового лифта. За решеткой стояли пожилой мужчина и бритоголовый мальчик в спецовках и с дробовиками. Фоновый шум ночного Лондона пропал.

– Это?.. – спросил один из охранников. – Кто это?

– Вы не знаете, *кто* я? – спросил Дейн. – Вот именно, еще как знаете. Пойдите и скажите его святейшеству, что я здесь, и впустите нас. – Бесцеремонно, но с мягкостью, которую Билли заметил, Дейн втолкнул его внутрь.

Стены за воротами не были безликими. У Билли раскрылся рот. По-прежнему бетонные и беззаконные, стены покрывала изящная лепнина. Заляпанные лондонской копотью, которую никогда уже не оттереть, наutilus сплетался с осьминогом, с каракатицей с плоской кружевной мантией, похожей на подол юбки. Та свивала щупальца с аргонавтом, болтающимся под своим выпирающим домиком-скорлупой. И повсюду – спруты. Сделанные, когда стены были влажными.

Ну и коридорчик, этот офисный на вид переход. Щупальцевый контур по-диснеевски зловещего адского вампира; неукротимый кальмар Гумбольдта; мастиготевтис в позе камертона. Их тела были выполнены в одном размере, все отличия стирались их единой кальмарностью, их тевтической сущью. Их – слово всплыло в голове Билли и не улеглось – спрутью. Архитевтис в обшарпанной материи здания.

Подземная комната, куда Дейн привел Билли, была крошечной, как каюта. Маленькая койка, стальной туалет. На столе – тарелка с карри, чашка с чем-то горячим. Билли чуть не расплакался от запаха.

– Ты в шоке, – сказал Дейн, – и проголодался, и с ног валишься. Ты не понимаешь, что происходит. Подкрепись – и

поговорим.

Дейн подхватил из тарелки целую вилку карри – чтобы показать, что есть безопасно, подумал Билли. Он поел. Напиток оказался приторным шоколадом.

– Где мы?

– Тевтекс объяснит.

«Что еще за тевтекс?» – Билли казалось, что он плывет по волнам. Изнеможение усилилось. Все виделось на темном фоне. Мысли то затихали, то прорезались, как по радио. Это не просто усталость, понял он.

– О, – сказал он. Волна тревоги.

– Так, не волнуйся, – сказал Дейн.

– Ты, что ты... – Билли тряхнул кружку и уставился в нее. Тяжело поставил отравленную дрянь, пока не уронил, – будто это имело значение. Темнота наплывала, как чернильное облако. – Что ты сделал?

– Не волнуйся, – сказал Дейн. – Тебе это нужно.

Дейн сказал что-то еще, но теперь его голос был далеко. «Ублюдки», – пытался выговорить Билли. Одна его частичка говорила другой, что Дейн не стал бы его спасать, только чтобы убить сейчас, но все остальные частички слишком устали, чтобы бояться. Билли был в темной тишине, и сразу перед тем, как она сомкнулась за ним и над ним, он забросил ноги на кровать и лег, гордый, что никто этого не сделал за него.

В бентос¹² сна и глубже. Это поклеп, что на глубине беспросветно. Здесь моменты фосфора с животным движением. Соматические отсветы, и в этой впадине сна огоньки были крошечными грезами.

Долгий сон и проблески видений. Трепет, но не страх.

Билли всплывал и на миг открывал реальные веки, а не сновидческие, и два-три раза видел, как на него смотрят люди. Слышал он всегда только близкий шум водоворота, хотя один раз в глубоком сне, за заглушающими милями воды, женский голос произнес: «Когда он проснется?»

Он был ночным крилем, вот кем, – единственным крошечным глазком, глядящим в пустоту, пестрящую присутствием. Планктон Билли увидел симметрию мгновения. Распускающийся цветок конечностей. Клинья плавников на мантии. Красное резиновое мясо. Уж это он узнавал.

Он видел что-то маленькое или далекое. Потом тьма за тьмой, потом оно вернулось – ближе. Прямые углы, резкие черты. Аномалия линий в этой обтекаемой прорве.

Это был экспонат. Это был его кракен, его гигантский кальмар – все еще неподвижный, все еще зависший в аквариуме: аквариум и его застывшее мертвое содержимое дрейфовали в пучине. Тонули там, где нет дна. Бывший спрут возвращался домой.

И последнее – то, что могло стать последним, столь одно-

¹² *Бентос* – совокупность биологических организмов, обитающих на и в грунте водоема.

значной завершенностью. Что-то внизу, под погружающимся аквариумом, куда свысока, хотя и так находясь в непроглядной глубине, смотрела малюсенькая частичка Билли.

Под аквариумом было что-то чрезмерное, темное и подвижное, что-то очень медленно поднимающееся, бесконечное.

Коллингсвуд, на которой висели подобные задачи, потратила пару часов на разговоры об эзотерике материальной науки с женщиной, которая называла себя «полезным активом». Женщина скинула по имейлу список имен – исследователей и аферистов. «Но там все постоянно меняется, – предупредила она. – Не могу поручиться ни за кого конкретно».

– Я обзвонила первую парочку, начальник, – сказала Коллингсвуд, – но по телефону точно не поймешь, понимаешь? Кое-кто накидал еще имен. Сомневаюсь, что кто-то из них понял, о чем я говорила. Надо встречаться лицом к лицу. Точно хочешь пойти? И так, что ли, заняться нечем? – Она редко могла заглянуть в мозг Бэрона, но чего еще ждать: только у неопытных и неумелых мысли разбегались повсюду, обильно и бестолково.

– Разумеется, – сказал Бэрон. – Но для того и придумали мобильные, верно? А это наша лучшая зацепка.

Они проложили по Лондону зигзаг: Бэрон – в штатском, Коллингсвуд – в своей полумаскарадной форме, чем надеялась застать информаторов врасплох и вывести на чистую воду сотрудничества. В списке оказалось не так много имен – сворачивание и весомантика были тайной из тайн, нехожими путями-дорожками для фанатов. Бэрон и Коллингсвуд заходили в офисы, общественные колледжи, задние комна-

ты магазинов на главных улицах. «Мы можем поговорить наедине?» – говорил Бэрн, или Коллингсвуд начинала сразу с «Ты знаешь, как сделать из здоровой хрени маленькую?».

Одно имя в списке принадлежало учителю физики.

– Ну что, босс, порадуем детишек? – сказала Коллингсвуд и прошла прямо перед учениками, глядевшими из-за горелок Бунзена. – Джордж Карр? – сказала Коллингсвуд. – Ты знаешь, как сделать из здоровой хрени маленькую?

– Что, довольны собой? – спросил Карр. Они прогуливались по детской площадке. – Что такое, какой-нибудь учитель физики сказал, что из вас ничего не выйдет?

– Не, – сказала она. – Они все знали, что из меня выйдет ого-го что.

– Какого черта отделу культов понадобилось от меня?

– Мы просто проверяем зацепки, сэр, – ответил Бэрн.

– Не торгуешь мастерством? – спросила Коллингсвуд. – Скукоживание напрокат?

– Нет. Я не очень хорош и не очень заинтересован. Пользуюсь в быту.

– Это для чего?

– Поедемте как-нибудь со мной в отпуск, – сказал он. – Одежда на три недели в одной наплечной сумке.

– Можно взять с собой собаку? – спросил Бэрн.

– Что? Нет, конечно. Сжатие таких сложностей мне не по плечу. Может, туда и засуну, но на выходе Барбос уже не

побежит за палками на пляже.

– Но это возможно.

– Конечно. Кое-кто умеет. – Он погладил щетину. – Кто-нибудь называл вам Андерса?

Бэрон и Коллингсвуд переглянулись.

– Андерс? – повторил Бэрон.

– Андерс Хупер. У него магазин в Челси. Забавное нишевое местечко. Он очень хорош.

– И почему мы о нем не слышали? – спросил Бэрон, помахивая списком.

– Потому что он только-только начал. Профессионально занимается этим где-то год. Вот *он* – и хорош, и правильно настроен, чтобы делать это за барыши.

– А *ты* откуда о нем услышал? – спросила Коллингсвуд.

Карр улыбнулся:

– Это я его всему научил. Скажите, мистер Мияги¹³ передавал привет.

Магазин Хупера делил помещение в террасе¹⁴ с кондитерской, магазином книжек в дорогу, флористом. Назывался он «Японутый!». С витрин с мангашным энтузиазмом таращились персонажи по соседству с наборами роботов и всякими нунчаками. Внутри треть маленького полочного простран-

¹³ Отсылка к фильму «Карате-пацан».

¹⁴ *Терраса* – британское название блокированной застройки, при которой малоэтажные дома стоят стена к стене и занимают целую сторону улицы.

ства занимали книги по философии, математике и оригами. Стопки книг со схемами складывания. Невероятные образцы – динозавры, рыбки, бутылки Клейна, геометрические хитросплетения – все из единого неразрезанного листа.

– Ну ладно, – сказала Коллингсвуд. Улыбнулась с уважением: – Ну ладно, это зашибенно.

Из задних помещений вышел молодой человек.

– Доброе утро, – сказал он. Андерс Хупер оказался высоким человеком смешанной расы в футболке с «Гандамом». – Чем могу... – он осекся при виде формы Коллингсвуд, – помочь?

– Кое-чем можешь, – сказала она. – Торговля нормально идет, не разоряешься?

– Кто вы?

– Отвечайте на вопрос, мистер Хупер, – сказал Бэрн.

– Конечно. К аниме большой интерес. Мы в числе лучших поставщиков...

– Всю эту хрень можно и в Интернете купить, – сказала Коллингсвуд. – И люди сюда приходят?

– Конечно. Их...

– А как насчет твоих хреногами? – спросила она. Он моргнул:

– А что с ними? Это, конечно, более специализированный товар... – Он держал разум туманным, но «что они знают?» Коллингсвуд из него подцепила – словно объявление после сигнала.

– И специалист у нас ты, да? Блин, мы в долбаном Челси. Как ты аренду оплачиваешь? Мы тут говорили с мистером Карром. Привет, кстати, передает. Он нам рассказал, ты складываешь всякое на заказ. Особая работа. Есть такое, Андерс?

Он облокотился на стойку. перевел взгляд с Бэрона на Коллингсвуд. Посмотрел по сторонам, словно кто-нибудь мог подслушивать.

– Что вы хотите знать? – спросил он. – Я не делал ничего незаконного.

– Никто и не говорит, что делал, – ответила Коллингсвуд. – Но кто-то, блин, сделал. Зачем ты этим занимаешься?

– Из-за минимизации, – сказал Андерс. – Суть не просто в том, чтобы давить, чтобы упихивать. Тут роль играет топография. Люди вроде Карра – со всем уважением, все-таки он меня в это и втянул, – но, в общем, они как бы... – Андерс помял руками воздух. – Они заталкивают. Набивают чемодан.

– Более-менее так он и сказал, – ответил Бэрон.

– Если это вам и надо – ну, знаете, тогда все нормально. Но... – Его руки попытались что-то описать. – В планировке вы пытаетесь поместить предметы в другие пространства, понимаете? Реальные предметы, с углами, поверхностями и всем таким. В случае оригами вы имеете дело со сплошной поверхностью. Резать нельзя, понимаете? Суть в том, что потом все можно разложить обратно. Я понятно объясняю?

– И тебя никак не смущает, что эти вещи, ну знаешь, *твердые*, – сказала Коллингсвуд.

– Не настолько, как можно подумать. В оригами в последние годы произошла целая революция... Что?

Коллингсвуд умирала со смеху. Бэрон присоединился. Через пару секунд Андерсу хватило приличий хихикнуть.

– Ну, простите, – сказал он, – но правда же. Помогли компьютеры. Мы живем в эру – так, ладно, это вам тоже понравится, – *экстремального* оригами. Роль играет математика. – он посмотрел на Коллингсвуд. – Вот что у вас за традиция?

– Традиции – для позеров, – сказала она. Он рассмеялся:

– Как скажете. Когда привлекаешь матаномалику, учишь визуальные числа, все такое... Вам это о чем-нибудь говорит?

– Ты давай по делу уже.

– Простите. Я к тому, что есть способы... – Он наклонился над кассой и зажал маленький цифровой дисплей между большим и указательным пальцами. И сложил.

Коллингсвуд смотрела, как лихо получается. Андерс снова и снова переворачивал кассу, подтыкал под клавиатуру. Мягко сложил гармошкой. Громоздкая штука проваливалась в себя по сгибам, разные аспекты слитных поверхностей проскальзывали друг за друга, словно видишь их с разных точек одновременно. Андерс складывал, и через полторы минуты на стойке, – все еще подключенный к проводу (теперь ускользнувшему в невозможную складку, ведущую

во внутренности), – стоял японский журавлик, который можно было поставить на ладонь. Внешняя поверхность одного крыла птицы была уголком дисплея, второго – передом ящика с деньгами. Шейка – расплющенный клин клавиатуры.

– Если потянуть вот тут, будет хлопать крыльями, – сказал Андерс.

– Круто, – ответила Коллингсвуд. – И не сломал?

– В этом и суть. – Он манипулировал краями, развернул обратно к оригинальному виду. Нажал на кнопку – раздался писк, и ящик открылся с тихим кассовым звоном.

– Неплохо, – сказал Бэрн. – Значит, подрабатываете тем, что складываете птичек из касс.

– О да, – не моргнув и глазом, отшутился Андерс. – Очень прибыльно.

– Но весят они столько же?

– Есть способ складывать как бы, можно сказать, в забываемое пространство, чтобы мир не замечал веса, пока не развернешь.

– И сколько бы вы взяли, – сказал Бэрн, – скажем, за то, чтобы сложить человека? В посылку? Которую можно отправить?

– А. Что ж. У человека много поверхностей, надо брать в расчет все. Многовато складок. Так вот в чем дело? В парне, который хотел приколоть друга?

Коллингсвуд и Бэрн уставились на него.

– Это какой-то парень? – сказал Бэрн.

– Блин, а что-то случилось? Мужик разыгрывал приятеля. Попросил меня сложить его вместе с сыном, как книгу. Заплатил дополнительно за доставку. Сказал, что не доверяет почте. Я говорю «сказал», хотя сам сто лет доходил, что он несет, такая у него манера речи. Добраться туда было отдельным гемором, но это стоило того...

– Куда добраться? – спросил Бэрон. Андерс назвал адрес Билли.

– А что случилось? – спросил он.

– Расскажите об этом человеке *все, что можете*, – сказал Бэрон. Поднял блокнот. Коллингсвуд развела руки, пытаясь нащупать осадок в помещении. – И что значит, – спросил Бэрон, – «его сын»?

– Ну, у мужика, – сказал Андерс. – Который попросил его сложить. У него был пацан. Его мальчик. – Он моргнул под взглядами Бэрона и Коллингсвуд.

– Опиши их, – прошептал Бэрон.

– Мужуку под пятьдесят. Длинные волосы. Попахивал, если честно. Дымом. Я даже удивился, что он смог расплатиться, заказ недешевый. А его сын был... как бы не от мира сего. – Андерс постучал по голове. – Ни слова не сказал... Что? Да *что?* Господи, что случилось-то?

Бэрон отступил и уронил руки по бокам, болтая блокнотом. Коллингсвуд выпрямилась, раскрыв рот и глаза. Лица у них побелели одновременно.

– Ох ты бля, – прошептала Коллингсвуд.

– Господи боже, и никаких, никаких звоночков не услышал? – спросил Бэрн. – Ни на чертову секунду не задумался, с кем имеешь дело?

– Я вообще не понимаю, о чем речь!

– Он ни хренашеньки не знает, – сказала Коллингсвуд. Ее голос надтреснул. – Этот сраный новичок вообще не рубит. Потому они сюда и пришли. Потому что он новенький. Вот с какой радости ему дали заказ – он зеленый. Они знали, что он не врубается, с кем, сука, имеет дело.

– Да с кем я имел дело? – истошно спросил Андерс. – Что я сделал-то?

– Это они, – сказала Коллингсвуд. – Это же они, да, начальник?

– О боже пресвятой! Очень похоже. Господи, очень и очень похоже. – Они задрожали во внезапно похолодевшей комнате.

– Это Госс и Сабби, – прошептала Коллингсвуд.

Билли проснулся. Туман, темная вода в голове – все ушло. Он сел. Он был не в лучшей, но в форме. На нем была та же одежда, в которой он лег, но ее снимали и стирали. Он закрыл глаза и увидел океанических существ из одурманенного сна.

У двери стоял человек в спортивном костюме. Билли резко отполз на кровати – в наполовину испуганном, наполовину боевом развороте к нему лицом.

– Вас ждут, – сказал мужчина. Открыл дверь. Билли медленно опустил руки. Он вдруг понял, что чувствует себя лучше, чем за очень долгое время.

– Вы меня подпоили, – сказал он.

– Об этом мне ничего не известно, – торопливо сказал мужчина. – Но вас ждут.

Билли последовал за ним мимо декаподов и осьминогов в промышленных масштабах, выхваченных флуоресцентными лампами. Ощущение сна сохранялось, как вода в ушах. Он отставал, пока человек не свернул, потом развернулся и побежал как можно тише, ускоряясь под эхо собственных шагов. Задержал дыхание. На перекрестке встал, вжался спиной в стену и огляделся.

Разные подвиды в цементе. Возможно, он найдет путь по цефалоподам. Он не имел представления, куда ему идти.

Шаги своего сопровождающего он услышал за секунды до того, как тот появился вновь. Тот жестикулировал – неловко манил Билли за собой.

– Вас ждут, – сказал он. Билли последовал за ним по выхолощенной храмляндии в зал – такой большой и внезапный, что у Билли перехватило дыхание. Весь без окон, весь выхваченный из-под Лондона.

– Тевтекс скоро будет, – сказал проводник по миру водных существ и ушел.

Здесь были скамьи, каждая – с полочкой сзади спинки, для псалтырей. Стояли они лицом к простому алтарю в стиле шейкеров¹⁵. Над ним висела огромная и красивая кованая версия того самого многорукого символа – сплошь вытянутые «S» из серебра и дерева. Стены были завешаны картинами, как эрзац-окнами. На всех – гигантский кальмар.

Зернистые глубоководные фотографии. Выглядели они куда старше, чем было возможно. Гравюры из старинных бестиариев. Картины. Графика пером и тушью, пастели, суггестивные оптические иллюзии с фрактальными присосками. Он не узнавал ни одной. Билли вырос на изображениях кракена и книжках о стародавних чудовищах. Он искал знакомое. Где невозможный осьминог де Монфора, утаскиваю-

¹⁵ Объединенное сообщество верующих во второе пришествие Христа, или шейкеры – религиозная организация, названная так за экстатичные танцы во время богослужений.

щий корабль? Где старые знакомые интерпретации *poulpes*¹⁶ Верна?

Одна пастораль восемнадцатого века с гигантским кальмаром была большим и фарсовым изображением резвящегося в брызгах молодого архитевтиса рядом с берегом, откуда наблюдают рыбаки. Полуабстрактный взгляд – переплетение трубчатых бурых фестонов, гнездо клиньев.

– Это Брак, – сказал кто-то позади. – Что вам снилось?

Билли обернулся. Там был Дейн со сложенными на груди руками. Перед ним стоял говоривший. Это был священник. Человек шестидесяти лет, с белыми волосами, аккуратно подстриженной бородой и усами. Именно что *священник*. В длинной черной рясе, высоком белом воротнике. Только немного помятый. Руки сцеплены сзади. На шее – цепь, с которой свисал символ спрута. Они втроем стояли в чистейшей тишине этих погруженных чертогов, глядя друг на друга.

– Вы меня подпоили, – сказал Билли.

– Ну, право, – сказал священник. Билли взялся за спинку скамьи и наблюдал за ним.

– Вы меня подпоили, – сказал Билли.

– Но вы же здесь?

– Зачем? – спросил Билли. – Зачем я здесь? Что происходит? Вы обязаны... объяснить.

– В самом деле, – сказал священник. – А вы обязаны нам жизнью. – Его улыбка обезоруживала. – Значит, мы оба в

¹⁶ Осьминоги (*фр.*).

долгу. Послушайте, я знаю – вы хотите знать, что случилось. А мы хотим объяснить. Поверьте, вам *нужно* понять, – говорил он с аккуратным нейтральным акцентом, но от речи все же отдавало Эссексом.

– Вы расскажете, что все это значит? – Билли поискал глазами выходы. – Все, чего я вчера добился от Дейна...

– Вчера был неудачный день, – сказал священник. – Надеюсь, вы чувствуете себя лучше. Как спалось? – Он потер руки.

– Что вы мне подмешали?

– Чернила. Разумеется.

– Вранье. От чернил кальмара не бывает *видений*. Это какая-то кислота или...

– Это чернила, – сказал священник. – Что вы видели? Если вы что-то видели, то только благодаря себе. Простите за такое грубое погружение. У нас действительно не было выбора. Время не на нашей стороне.

– Но зачем?

– Потому что вам *нужно знать*. – Священник буравил взглядом. – Вам нужно видеть. Вам нужно знать, что происходит. Мы не даровали видений, Билли. То, что вы видели, пришло от вас самого. Вы видите яснее других.

Священник подошел ближе к картине.

– Как я сказал, Брак, – продолжил он, – 1980-й. Бертран Юбер – единственный в истории тевтекс-француз – брал его в море. Они провели в Бискайском заливе четыре дня. Юбер

исполнил определенный ритуал, о котором, к сожалению, не сохранилось записей, и поднял из глубин маленького божка. Должно быть, Юбер действительно обладал могуществом. Он единственный после Стинстрапа, кто был способен вызывать не только образы. Но и крупную... рыбу. И боженок ждал, пока Брак его зарисовывал, чуть ли не падая в обморок от восторга – и чуть ли не падая за борт. Спрут ушел под воду, взмахнув охотничьим щупальцем, – как выразился Брак, *«exactement comme un garçon qui dit «au revoir» aux amis»*¹⁷. – Священник улыбнулся: – Дурачок. Ни малейшего понимания. Отнюдь не «comme», ничего подобного. Прозвучит странно, но Брак сказал, что начал мыслить углами благодаря «извивности» увиденного в тот день. Он говорил, ни одна дуга не передаст тех извивов, что он видел.

Кубизм как неудача. Билли перешел к другой картине. Эта уже традиционно репрезентативная – толстый расплюснутый гигантский кальмар, тлеющий на камне в окружении ног в сапогах. Быстрые, курчавые мазки.

– Зачем вы меня подпоили?

– Это Ренуар. Вон там – Констебль. Достинстраповская – так мы зовем эту антраментальную эпоху. До того, как мы вышли из чернильного облака. – Работы вокруг Билли вдруг стали похожи на Мане. На Пиранези, Бэйкона, Брейгелей, Кало.

– Меня зовут Мур, – сказал священник. – Я очень сожа-

¹⁷ Как мальчик, который говорит «до свидания» друзьям (*фр.*).

лею о том, что случилось с вашим другом. Я бы искренне хотел это предотвратить.

– Я даже не знаю, что случилось, – сказал Билли. – Я не понял, что тот человек... – Он сглотнул слова. Мур прочистил горло. За стеклом в тяжелой витрине была плоская поверхность, сланцеватая плита. Где-то квадратный метр серо-бурого камня. В красных пятнах цвета засохшей крови, под очертаниями наблюдающих человеческих фигурок, там был исполнен рисунок торпеды органическими линиями и угольными чернилами; сонм спиральных хлыстов; круглое черное око.

– Это из пещеры Шове, – сказал Мур. – Тридцать пять тысяч лет. – Угольный глаз спрута вперялся в них через эпохи. У Билли повело голову от доантичной версии. Может, ее нужно видеть в языках пламени от костра? Женщины и мужчины палками и проворными мазками пальцами изображали то, что явилось на кромке моря. То, что воздело множество рук в глубоководном приветствии, пока они махали с литоралей.

– Мы всегда обращались с заказами, – сказал Мур. – Мы показывали им бога. – Он улыбнулся: – Или его детей. Таков был обычай. С конца эпохи атрамента мы обычно предлагали лишь сновидения. Как вам. Нам не известно, как Юбер призвал молодого бога. О том молчит даже море. А мы спрашивали. Вы видели молодняк, Билли. Младенца Иисуса. – Он улыбнулся собственному кощунству. – Вот что вы сбе-

регли. Архитевтис – порождение кракена. Боги – яйцекладущие. Не только наши – все. Богорожденные есть всюду, если знать, где искать.

– Что это была за татуировка? – спросил Билли.

– А те кракены, что доходят до последней стадии? – Мур ткнул большим пальцем в наскальный рисунок. – Они спят безбудным сном – вот что они делают, – процитировал он. – «Питаясь во сне громадными червями океана», как говорится. Поднимутся они только в самом конце. Только в *конце* – пока «огонь последний бездны моря» не раскалит дыханием», – Мур изобразил кавычки пальцами, – «чтоб человек и ангелы *однажды* увидели его, он с громким воплем всплывет и на поверхности умрет»¹⁸.

Билли смотрел мимо Мура. Он гадал, как проходят поиски у его почти коллег – а они проходят обязательно, – какого прогресса добились Бэрон, Варди и Коллингсвуд. С моментальной пугающей отчетливостью представил, как Коллингсвуд в своей неформальной недоуниформе и дерзости расшибает бошки, чтобы найти его.

– Мы были в начале, – сказал Мур. – И теперь мы здесь. В конце. Боги-младенцы являются по всему свету. Кубодера и Мори. Это только первый. Фотографии, видео – они дают о себе знать. Архитевтисы, мезонихотевтисы, неизвестные. После стольких лет молчания. Они *поднимаются*.

В двадцать восьмой день февраля 2006 года кракен при-

¹⁸ «Кракен», Альфред Теннисон, 1830 (пер. Константина Бальмонта).

шел в Лондон, – Мур улыбнулся. – В Мельбурне своих держат в блоках из *льда*. Можете представить? Не могу не называть это «божественным мороженым». Вы знаете, что того, которого планируют выставлять в Париже, они, как это называется, *пластинируют*? Как делал с людьми тот странный немец. *Так-то* они собираются показывать бога, – Дейн покачал головой. Мур покачал головой. – Но не вы. Вы обошлись с ним... правильно, Билли. Вы уложили его с *добротой*. – Странная, неестественная формулировка. – С уважением. Вы держали его за стеклом.

Его спрут был мощами в раке.

– Се первый год кракена, – сказал Мур. – *Ce Anno Teuthis*. Мы живем перед светопреставлением. А вы как думали, что происходит? Вы думали, это просто случайность, что, когда вы нашли бога и обошлись с ним так, как обошлись, мир вдруг подошел к концу? Почему, вы думали, мы приходим его лицезреть? Почему, вы думали, у нас был свой человек внутри? – Дейн склонил голову. – Мы должны были знать. Мы должны были видеть. Мы должны были его защитить, выяснить, что происходит. Мы знали – что-то случится.

Вы понимаете, что кракен *вообще* достался вам только потому, что он «с громким воплем всплыл и на поверхности умер»?

Мардж всегда понимала: если свяжешься с Леоном, то с каким-то поведением придется мириться. Это не так уж плохо – дает пространство для собственного поведения, удовольствий, которые с предыдущими любовниками провоцировали всяческие обиды и размолвки.

Например, Мардж не чувствовала угрызений совести, отменяя вечернюю встречу, если работала над произведением и работа спорилась. «Прости, милый, – говорила она не раз, сгибаясь над обшарпанным видеооборудованием, найденным на помойках и eBay. – У меня дела. Перенесем?»

Когда Леон поступал так же, то, даже если это ее раздражало, часто приходило и удовлетворение – со знанием, что в этом отношении они всегда сочтутся. По тем же причинам – а когда они стали встречаться, она сама не имела намерений переходить к моногамной жизни, – приносили облегчение его собственные нерегулярные сексуальные связи вне их отношений (в основном совершенно очевидные).

Отсутствие вестей от Леола два, три, пять дней, по неделе за раз как таковое ее не очень беспокоило. Это ерунда – не больше чем отмена встречи в последнюю минуту. Но от чего она занервничала, задумалась, так от того, что у них были конкретные планы – они собирались устроить марафон бондианы, потому что «это же угар», – и он не позвонил насчет

переноса. Просто написал какую-то чушь – что само по себе обычное дело – и не пришел. А теперь игнорировал ее сообщения.

Она писала ему на телефон, писала на имейл. «Ты где? – спрашивала она. – Скажи, а то буду волноваться. Звони пиши шли почтовых голубей – на свой вкус хохо».

Мардж удалила последнее сообщение, которое прислал Леон, решив, что это какая-то пьяная глупость. Конечно, теперь она об этом жалела до глубины души. Там было что-то вроде «билли говорит есть культ спрутов».

– Отцы, матери и безучастные тетушки и дядюшки в стылой тьме, мы молим вас.

– Мы молим вас, – бормотала паства в ответ на фразы тевтекса Мура.

– Мы есмь ваши клетки и синапсы, ваша добыча и ваши паразиты.

– Паразиты.

– И ежели вы радуете о нас, того мы не ведаем.

– Не ведаем.

Билли сидел в конце церкви. Он не вставал и не садился одновременно с маленькой конгрегацией, не мямлил бессмысленные фонемы, вежливо отставая от их слов. Он смотрел. В зале было меньше двадцати человек. В основном белые, но не все, в основном в недорогой одежде, в основном среднего возраста и старше, не считая странный демографи-

ческий сбой – сидевших в одном ряду четверых-пятерых молодых людей грубоватого вида, мрачных, набожных и смиренных.

Дейн стоял, как алтарный служка-переросток. Глаза закрыты, губы двигались. Свет притушили, повсюду распластались тени.

Тевтекс вел службу, его слова сменяли языки с английского на латынь, с латыни на псевдолатынь, на что-то вроде греческого, на странные скользкие слоги – возможно, сны о затонувших языках или вымышленный лепет стай спрутов, Атлантиды, Гипербореи, мнимый язык Р'Льеха. Билли ожидал экстазов, отчаянной глоссолалии, фанатичного шлепанья языками как щупальцами, но этот пыл – а это был именно он, Билли видел по слезам и заломленным рукам верующих, – оказался сдержанным. Секта воспринималась скорее проповеднической, не харизматической – англокатолицизм от моллюскопоклонства.

Такая маленькая группка. Где же остальные? Сам зал, самими скамьи могли вместить трижды больше людей. Это пространство всегда задумывалось на вырост – или религия в упадке?

– Дотянитесь, чтобы объять нас, – сказал Мур, и паства сказала: «Объять нас», – и изобразила жест пальцами.

– Мы знаем, – начал тевтекс проповедь. – Мы знаем: се есть странные времена. Кто-то скажет, что это конец. – Он пренебрежительно повел рукой. – Я прошу вас иметь веру.

Не страшиться. «Как он мог сгинуť? – вопрошали у меня люди. – Почему боги не вмешались?» Помните о двух вещах. Боги нам ничего не должны. Не потому мы им молимся. Мы молимся потому, что они боги. Се их вселенная – не наша. Им угодно поступать, как им угодно, и не нам знать почему.

«Господи, – подумал Билли, – ну и мрачная же теология». Удивительно, что хоть кто-то сюда приходит, раз здесь нет эмоционального *quid pro quo*¹⁹ в плане надежды. Так Билли думал – но видел он в зале отнюдь не нигилизм. Он видел надежду, что бы там ни говорил тевтекс; и он, тевтекс, думал Билли, тоже по-своему надеется. Доктрина не такая уж и доктрина.

– И второе, – сказал Мур. – Помните о движении, не похожем на движение.

Здесь среди прихожан прошел маленький фриссон.

Ни причастия, ни какого-нибудь преломления – чего, священных кальмаров? Только нестройный и неуклюжий бессловесный гимн, немая молитва, – и верующие разошлись. На выходе они бросали на Билли странные и просящие взгляды. Молодые люди казались чуть ли не голодными и в глаза смотрели нервно.

Подошли Дейн и Мур.

– Итак, – сказал тевтекс. – Это твоя первая служба.

– Что это была за белка? – спросил Билли.

¹⁹ Услуга за услугу (лат.).

– Фрилансер, – ответил Дейн.

– Что? И что она делает на фрилансе?

– Она фамильяр.

Фамильяр.

– Не смотри так. Фамильяр. Не делай вид, будто впервые слышишь.

Билли подумал о черных кошках.

– Где она теперь?

– Не знаю и знать не хочу. Она свое отработала. – Дейн на него не смотрел. – Дело сделано. И она ушла.

– Чем ты платил?

– Орехами, Билли. А чем я еще, по-твоему, должен платить белке? – Лицо Дейна было таким непрошибаемым, что Билли не мог понять, правду он слышит или насмешку. Добро пожаловать на новый рабочий рынок. Волшебным животным чем-нибудь платят – вон, орехами какими-нибудь. Билли пригляделся к картинам и книгам в темно-серых личных покоях Мура.

– Бэрон... – начал Билли.

– О, Бэрона мы знаем, – сказал Дейн. – И его дружков.

– Он рассказал о краже некоторых книг.

– Они в библиотеке, – сказал тевтекс. Он наливал чай. – Нельзя убедить мир ксерокопией.

Билли кивнул, будто услышал что-то разумное. Повернулся к Муру:

– Что происходит? – спросил он. – Чего хотел этот... че-

ловек? И почему вы держите меня в плену?

Мур ответил озадаченным взглядом:

– В плену? А куда ты хочешь отправиться?

Повисла тишина.

– Я ухожу, – сказал Билли, а потом очень быстро добавил: – Что этот... Госс... сделал с Леоном?

– Ты не очень оскорбишься, если я скажу, что не верю? – спросил Мур. – Что ты хочешь уйти? Я в этом не уверен. – Он встретил взгляд Билли. – Что ты видел? – Билли чуть не отшатнулся от рвения в его голосе. – Вчера ночью? Что тебе снилось? Ты даже не знаешь, почему ты в опасности, Билли. И если ты отправишься к Бэрону и Варди, лучше не станет.

– Я знаю, что они о нас говорили, – здесь Мур только что не подмигнул – этакий добродушный викарий. – Но, знаешь ли, эта маленькая банда охотников на верующих под названием «полиция» тебе не поможет. Теперь ты в поле зрения Тату.

– Подумай о Тату, – сказал Дейн. – О том лице. Лице того человека на чужой спине. Что будешь делать с этим, Билли? – После паузы Дейн добавил: – Что будет с этим делать твоя полиция?

– И дело даже не только в этом, – сказал Мур. – Будто этого мало. Я знаю, что это все немного... Что ж. Но дело даже не в Тату. Внезапно впервые с каких-то давних времен все согласилось, что конец света не за горами. Ну и ничего необычного, скажешь ты, и будешь прав – не считая того, что

согласились действительно *все*. Для тебя здесь есть... следствия. Тебе нужна сила. Позволь сказать. Мы – паства Бога-Кракена. И это наш час.

Они объяснили.

Лондон полон богов-раскольников.

Почему? Ну, где-то им жить надо. Городская жизнь после смерти. Почему нет?

Конечно, они везде, эти боги. Теургическая зараза – те, кому поклонялись когда-то или поклоняются втайне и в наши дни; те, кому поклоняются понемногу; те, кого боятся и ненавидят – мелочные божки: они повсюду кишат гребаным кишмя. Не сосчитать небожителейских экосистем – ведь нет ни единого места, где не порождается трепет, коим они кормятся. Но только потому, что тараканы везде, еще не значит, что тараканов нет, скажем, конкретно на нью-йоркской кухне. И только потому, что ангелы берегут свои древние уголки, а у каждого камня, сигаретной пачки, тора и города есть собственные боги, это еще не значит, что в Лондоне нет ничего особенного.

Улицы Лондона – каменные синапсы, настроенные на поклонение. Пройди по Тутинг-Бек в правильную или неправильную сторону – и кого-нибудь да призовешь. Может, тебе и неинтересны боги Лондона, но ты интересен им.

А где боги, там и фишки, и деньги, и рэкет. Праведные убийцы из «домов на полпути», оружейные фермеры и само-

нареченные разбойники. Город ученых, мошенников, ведьм, Пап и злодеев. Криминархов вроде Тату – преступных королей. Тату ходил с Крэями²⁰ – еще до того, как стал Тату, но и тогда никто не оставлял двери незапертыми. Никто не помнил, как его звали; это побочный эффект того, что с ним случилось. Какое бы скверное чудо ни заточило его в кожу, оно избавилось как от тела, так и от имени. Все знали, что раньше знали, как его зовут, – включая его самого, – но имени никто не помнил.

– Тот, кто его так приложил, был хорош, – сказал Дейн. – Вот когда *он* был здесь, старый Гриз, жилось намного лучше. Я был накоротке с некоторыми его ребятами.

Существовала многомерная сеть географии, экономики, обязанностей и наказаний. Преступность перехлестывалась с верой («Нисденем заправляют Ублюдки Дхармы», – сказал Дейн), хотя многие из партизанских авантюристов были мирянами, агностиками, атеистами или экуменическими филистимлянами. Но в целом ландшафт определяла вера.

– Кто такие Госс и Сабби? – спросил Билли. Он настороженно сидел между собеседниками, переводя взгляд с одного на другого. Дейн опустил глаза на свои большие кулаки. Мур вздохнул.

– Госс и Сабби, – сказал он.

²⁰ *Братья Крэй, Рональд* (1933–1995) и *Реджинальд* (1933–2000) – легендарные близнецы, контролировавшие большую часть лондонской преступности в 50–60-х.

– Что у них за?.. – спросил Билли.

– Все, что только приходит в голову.

– Зло, – сказал Дейн. – Госс торгует своим злом.

– Почему он убил того парня? В подвале? – спросил Билли.

– Консервированный человек? – сказал тевтекс. – Если только это их рук дело.

– Этот Тату думал, будто кальмара украл я, – сказал Билли.

– Потому он на тебя и охотится, – ответил Дейн. – Видишь? Потому я и приставил к тебе того фамильяра.

– Ты его консервировал, Билли. Ты же открыл дверь и обнаружил пропажу. – Мур показал на Билли. – Неудивительно, что ты нужен Бэруну. Неудивительно, что ты нужен Тату, и неудивительно, что мы наблюдали.

– Но он же понял, что я не крал, – возразил Билли. – Он сам сказал, что я ни при чем.

– Да, – сказал Дейн. – Но потом-то тебя спас я.

– Мы тебя выручили, так что мы с тобой союзники, – сказал Мур. – Так что теперь ты *стал* его врагом.

– Ты под нашей защитой, – сказал Дейн. – И поэтому тебе нужна наша защита.

– Как вы вынесли архитевтиса? – спросил наконец Билли.

– Это не мы, – ответил Мур тихо.

– Что? – Но это же реликвия. Они бы наверняка за нее сражались – как римские фанатики сражались бы за плаща-

ницу, а яркий буддист спасал бы украденную сутру. – Тогда кто?

– Ну, – сказал Мур, – что ж, слушай. – Вселенную можно убедить, что какое-то действие логично. Это и называется *фишиковать*. – Билли моргнул из-за резкого выверта темы, из-за непривычной глаголизации слова. – Пользуешься всем, чем можешь.

– Щелк, – сказал Дейн. Щелкнул пальцами, и в воздухе там, где только что было соударение, со звуком загорелось флуоресцентное сияньице. Билли уставился на него и понял, что это не просто фокус. – Это только кожа и рука.

– Пользуешься чем можешь, – сказал Мур, – и некоторые могут больше других.

Билли осознал, что Дейн и священник на самом деле не меняют тему.

– То есть гигантский кальмар... – Билли затих, но продолжал думать: «Могущественный талисман, большой калибр, реальная тема. Это волшебство, вот что это. Для *фишикования*». – Вот почему его украли. Вот почему он нужен татуировке. Но это же *безумие*, – добавил он. Не мог удержаться. – Это безумие.

– Знаю-знаю, – сказал Мур. – Ох уж эти сбрендившие верования, а? Наверняка это какая-нибудь *метафора*, да? Наверняка это значит что-нибудь еще? – покачал головой. – Какая невежественная чушь. А что, если конфессия – что есть, то и есть? И значит ровно то, что значит?

– Хватит искать логику, просто послушай, – сказал Дейн.

– И что, – сказал Мур, – если главная причина, почему конфессии настолько живучи, в том, что они совершенно точны? – Он подождал, и Билли ничего не сказал. – Все это совершенно реально. Тату хочет это тело, Билли, чтобы сделать что-нибудь *самому* – или чтобы не дать что-нибудь сделать кому-то *другому*. У всего есть своя сила, Билли, – говорил Мур с напором. – «На пути в глубину много течений» – так мы говорим. Но некоторые – глубже, быстрее остальных. Некоторые – *правильные*. – Он улыбнулся не так, как улыбаются при шутке.

– Что можно сделать со спрутом? – спросил Билли.

– Что бы это ни было, – сказал Дейн, – я против.

– А что нельзя? – спросил Мур. – А что невозможно? С подобной святыней.

– Вот почему нужно отправляться, – сказал Дейн. – Найти его.

– Дейн, – сказал Мур.

– Это наш долг, – сказал Дейн.

– Дейн, понимание ситуации необходимо, да, – сказал Мур. – Но нам нужно иметь веру.

– А что продемонстрирует веру больше, чем отправиться за ним? – спросил Дейн. – Ты же понял, что происходит? – обратился он к Билли. – Как все это опасно? Ты нужен Тату, и *у кого-то сейчас кракен*. Это бог, Билли. И мы не знаем, у кого или зачем.

«Бог», думал Билли. У вора сейчас выбеленная масса резиновой вонючки в формалине. Но Билли уже знал, что истины не истинны.

– Бог может позаботиться о себе, – сказал Мур Дейну. – Ты знаешь, что что-то происходит, Билли. Знаешь уже давно.

– Я *видел*, как ты это чувствуешь, – сказал Дейн. – Я видел, как ты смотришь в небо.

– Это конец, – сказал Мур. – И несет его наш бог, и он не в наших руках. И это неправильно. – Он растопырил пальцы в нелепом религиозном знаменении. – Вот почему ты здесь, Билли. Ты знаешь то, чего даже не знаешь, – сказал он. От его пыла у Билли побежали мурашки. – Ты трудился над *его святой плотью*.

– Так и хочется топнуть ножкой, а, Сабби? Так и хочется снять штиблет да закинуть в озеро.

Госс топнул. Сабби шел в нескольких шагах позади, заложив руки за спину в грубом подражании его позе. Госс энергично вышагивал, наклонившись вперед. Время от времени он расцеплял руки и вытирал о свой грязный пиджак. Сабби следил за ним и делал так же.

– Куда нас занесло? – сказал Госс. – Это вопрос. Это вопрос. И в самом деле, куда ж это? Нечасто нашенского подводит чуйка, но мистер Хэрроу явно не так прост, как мстится, коль у него такие молодчики на подхвате. Так и не возьму в толк, кто тебя приложил-то, горе ты мое. Получшало? – Госс встрепал волосы Сабби под его взгляд с раскрытым ртом.

– *Что*, бишь, Хэрроу за человек? Он весь замазался в этом деле, как альвеолы в мокроте. Но такая уж наша лучшая зацепка, что теперь признает наспинное святейшество, и, как говорится, первый блин комом. Раз словили, теперь словим и другой. Где? Вот это вопрос всем вопросам вопрос, мой юный подмастерье. Ушки на макушке, Сабби, языки наружу. – Он сделал, как сказал, и почувствовал, где они, и если пешеходы или шоперы в этом предпригородном торговом районе и заметили, как он с хлюпаньем, по-змеиному пробует воздух, то притворились, что не заметили. – Но так-то

прежде всего мы сыскиваем Пушкина, так что как будет привкус сам знаешь чего – как мне сказали, характерный букет второй свежести, мясца в хлорке, – то все бросать и бежать за ним, но иначе – видать по всему, мистер Хэрроу что-то да знает, а его вкус у меня уже в подкорке.

В эти дни в городе разворачивалось множество самых разных драм: махинации, предательства, инсинуации и недопонимания между группами с разными, но пересекающимися интересами. В офисах, мастерских, лабораториях и библиотеках воздух оглашали споры между разгневанными учеными и самозанятыми манипуляторами-теоретиками с их нечеловеческими напарниками, еще не ушедшими с постов. «Как ты можешь так со мной поступать?» – вот что звучало чаще всего, сразу в комплекте с «ой, сам иди на хер».

В штаб-квартире Конфедерации британской промышленности между часто посещаемым туалетом и маленькой переговорной комнатой был коридор, и если большинство членов этой организации его и замечали, то только затем, чтобы удивиться, как это не замечали раньше, и обычно после первого раза уже не замечали его впредь. Свет в нем горел не так ярко, как полагается. Акварели на стенах выглядели какими-то немного размытыми: уж точно на них было трудно задержаться взглядом.

В конце коридора на пластмассовой табличке было написано «Подсобное помещение», «Не работает» или что-то в

этом роде – какая-то каверзная фраза, которую не вспомнишь в точности, но суть которой – «вам не сюда, гуляйте отсюда». Две фигуры эту суть проигнорировали. Впереди шел крупный мужчина в дорогом костюме и черном мотошлеме. Сразу за ним, держа его за руку, запинаясь и пошатываясь, как испуганный зверек, женщина шестидесяти лет – с вялым лицом, в протертом тренкоте.

Мужчина постучал и открыл, не дожидаясь ответа. Внутри был маленький кабинет. Им навстречу встал мужчина, показал на два кресла перед столом. Человек в костюме не сел. Толкнул в кресло женщину. Положил руки ей на плечи. Ее пальто распахнулось, и под ним ничего не оказалось. Ее кожа казалась холодной и больной.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом женщина необычным образом перекосила рот. Издала звонок.

– Алло? – сказал человек за столом.

– Алло, – сказала женщина, с щелчками и с гулким отзвуком, мужским голосом – лондонским голосом. Ее глаза были пусты, как у манекена. – Я говорю с мистером Дьюи из КБП?

– Да. Спасибо, что так быстро со мной связались.

– Не проблема, – сказала женщина. Из ее рта потекла слюна. – Как я понимаю, у вас ко мне предложение. Касательно, эм-м, текущих разногласий.

– Именно так, мистер... Именно так. Мы хотели бы узнать, не сможете ли вы нам помочь.

После консультаций по весьма специфичным географопатическим критериям столичная полиция расположила именно в Криклвуде своих аномальных оперативников – ОПФС и их узкоспециализированный штат: секретарей, которые не удивляются тому, что приходится печатать, патологоанатомов, которые проводят аутопсию любых присланных тел, несмотря на неортодоксальность поз или причин смерти. Варди, Бэрон и Коллингсвуд как раз собрались в лаборатории одной из них – доктора Харрис, высокой женщины, невозмутимой перед лицом самых абсурдных или фишечных вещей. Они попросили еще раз показать останки из подвала музея.

– Вы сказали оставить его в покое, – говорила она.

– А теперь я говорю вскрыть эту фиговину, – ответил Бэрон, и через полчаса, после треска и аккуратного расшатывания, банка на столе между ними развалилась на две части. Человек, который был внутри, почти сохранил свою цилиндрически ограниченную форму. Углы его тела, положение рук – все выглядело так, будто он все еще прижимается к стеклу.

– Вот, – сказала Харрис. Показала лазерной указкой. Человек уставился на нее пристальным взглядом утопленника. – Как я и говорила, – сказала она. Показала на горловину банки: – Он никак не мог туда попасть.

Оперативники ОПФС переглянулись.

– Мы предположили, вдруг ты передумала, – сказал Бэ-

рон.

– Это вряд ли. Он не мог там оказаться, если только его не поместили туда при рождении и не оставили там расти. И это, учитывая наличие нескольких татуировок плюс другие очевидные причины, связанные с невозможностью, – вряд ли.

– Ладно, – сказал Бэрн. – Сейчас нас заботит не это. Правильно, дамы и господа? Что мы знаем о методах наших подозреваемых? Наблюдаем ли мы их почерк? *Сейчас* наш вопрос – Госс и Сабби.

Госс и Сабби. Госс и Сабби!

Коллингсвуд не сомневалась, что права. Андерс Хупер был хорошим оригамистом, но главная причина, почему к нему обратились, – он новенький, молодой и не узнал нанимателя.

Конечно, не моложе ее, но, как сказал Варди со строгим одобрением, «Коллингсвуд не считается». Может, ее изыскания и были неортодоксальными, а обучение – пунктирным, но она всерьез относилась к знаниям о мире, в котором теперь функционировала. Она читала историю в хаотическом порядке, но читала. Как же она могла не знать о Госсе и Сабби?

Печально известный паб-кроул «Козлов из Сохо» с Кроули, закончившийся четверным убийством, от воспоминаний о снимках которого Коллингсвуд до сих пор закрыва-

ла глаза. Расчленение Сингеров, пока Лондон еще пытался оправиться после Великого пожара. Уокеры на Фейс-роуд в 1812 году – тоже Госс и Сабби. Кто же еще. Госс, Царь мерзавцев и убийц – этим титулом его нарек цыганский интеллект, весьма осмотрительно пожелавший остаться неизвестным. Сабби, о котором, как пить дать, была поэма Маргарет Кавендиш²¹ о «дите из мяса и вражды».

Госс и долбаный Сабби. Ловко скользящие по истории Альбиона, пропадающие на десять, тридцать, сто благословенных лет, только чтобы вернуться – «всем добрый вечер», – подмигнуть с огоньком в социопатичных глазах и учинить какие-нибудь ад и погибель по найму.

О Госсе и Сабби не было никакой конкретики. Попытайся раздобыть информацию, что конкретно у них за фишки – которые Коллингсвуд про себя все еще называла суперсилами, – и узнаешь только то, что Госс – *смертоносная мразь каких поискать*. Супермразь; Чудо-мразь; Капитан Тотальная Сволота. И это вам не шутки. Считайте это банальным, если вам так проще, но зло – оно зло. Истории гласили, что одного Госс мог проглотить заживо своим растянутым ртом, в другом пробить дырку кулаком, третьего подпалить, сплюнув на него пламя. Любой каприз за ваши деньги.

Впервые Коллингсвуд прочитала о них в факсимиле до-

²¹ *Маргарет Кавендиш, герцогиня Ньюкасл* (1623–1673) – английская писательница, поэтесса, философ. Среди прочего автор одной из первых научно-фантастических утопий – «Пылающий мир» (1666).

кумента из семнадцатого столетия – описания «длиннопалого татя и его мертвого заживо сына» – и потом еще несколько недель из-за незнания старинных шрифтов называла их Гофф и Фабби. Посмеялись они тогда над этим с Бэроном.

– Ну-ф, – сказала теперь она. – Фтало быть, это вфе Гофф и Фабби? – Бэрон даже усмехнулся. – Это их модуф операнди?

И вот проблема. У Госса и Сабби не было модуса операнди как такового. Бэрон, Варди и Коллингсвуд всмотрелись в законсервированного человека. Сверились с заметками, добавили новые, обошли труп, бормоча про себя и друг другу.

– Все, что можно сказать наверняка, – заявил наконец Бэрон, всматриваясь, наклоняясь, – насколько нам известно, не существует записей, чтобы они уже делали нечто подобное. Я проверил досье. Варди?

Варди пожал плечами.

– Мы идем вслепую, – сказал он. – Нам всем это известно. Но хотите знать мое мнение? В сухом остатке, я думаю... нет. Из того, что я знаю об их методах, – это всегда работа в тесном контакте, руки, кости. Здесь же... что-то другое. Не знаю, что другое, но это не то. Вряд ли.

– Ладно, – сказал Бэрон. – Значит, мы охотимся на Госса и чертового Сабби, а заодно разыскиваем кого-то *еще*, кто маринует своих врагов. – Он покачал головой: – Господи, разыскиваем за весьма тяжкие и столь же телесные. Ладно, дамы и господа, давайте работать с этим малым. Нам нужно в

срочном порядке его опознать. Среди, черт возьми, прочего.

В новый Лондон? – «Все недружелюбное внимание города направлено на тебя, – сказал тевтекс. – На тебя охотятся». Билли представил, как всплывает – пучеглазый, как рыба, – и его замечает Лондон, где поджидали Тату, Госс, Сабби, мастерская. Ах во-от ты где!

Под городом он перемещался как будто свободно. Не раз мимо проходили кракенисты и глазели, а он глазел в ответ, но его никто не трогал. Там, где серые барельефы с цефалоподами осыпались, проглядывал старинный кирпич. Билли нашел дверь в ярко освещенную комнату.

Там он охнул. По ширине это была маленькая гостиная, но пол находился глубоко-глубоко внизу. Абсурдно глубоко. Вниз сбегали ступени. Это была шахта, заставленная книгами. Со шкафов свисали лестницы. Пока церковь прирастала имуществом, подумал он, горизонтальные ограничения вынуждали поколения верующих в кракена углублять библиотеку.

На пути вниз Билли читал названия. Тибетская Книга мертвых бок о бок с Бхагавад Гитой, двумя-тремя Коранами, Ветхие и Новые Заветы, эзотерика и ацтекские теономиконы. Кракенлор – головоногий фольклор; биология; юмор; искусство и океанография; дешевые мягкие обложки и редкий антиквариат. «Моби Дик» с тиснением на обложке. «20000

лье» Верна. Отдельная страница со знаком Пулитцеровской медали, где единственной незакрашенной строчкой было: «Гигантские спруты, возносящиеся над океанским дном в холодной тьме»²². «Высочайший прилив» Джима Линча – прибитая вверх ногами, словно что-то богохульное.

Друг на друга смотрели Теннисон и сборник стихов Хью Кука, раскрытые на перекликающихся страницах. Билли прочитал ответ Альфреду Лорду:

Кракен пробуждается...
Серебряная рыбка
Летит шрапнелью прочь
От моего паденья ввысь
Из черной преисподней.
Зеленая волна с боков спадает...
Когда со дна меня сезоны гонят,
И на десятый счет
Я чувствую свой жар:
Ветра не остудят, как океан.

Еще нет полдня,
Но шкура уж потеет му`кой.
Волнение кишок
Злобно пучит шкуру.
Нет сил бороться – я
Болтаюсь в токах боли,
Кричу, кричу, кричу в затыжном

²² «Дорога» Кормака Маккарти (The Road, 2006).

Подъеме к спуску.

И безумие той боли
Пронизывает все:
Города друг друга рубят в кровь;
Тонут суда в бурях огня; армии
Бьются костылем и палкой;
Ожирение бредет к инфаркту
По улицам истощенья.

– Господи, – прошептал Билли.

Самиздат, роскошные твердые обложки, рукописи, сомнительные образчики малой прессы. «Aposcrapha Tentacula»²³; «О поклонении кракену»; «Евангелие от святого Стинстрапа».

«Нам не увидеть вселенную», – прочитал Билли во взятом наугад тексте. Набран он был неумело.

Нам не увидеть вселенную. Мы во тьме впадины, во глубоком разрезе, где темная вода тяжелее земли, где сущности освещены нашей собственной кровью, – мы малые биолумы, героические и ничтожные Прометеи; мы страшимся похитить огонь, но все же способны гореть. Боги среди нас, и мы их не заботим, и они не похожи на нас.

Вот чем мы отважны: мы все равно им поклоняемся.

²³ «Апокриф щупалец» (лат.).

Старые тома, распухшие от дополнений, с вытисненным «Catechismata»²⁴. Альбомы с вклеенными вырезками. Со сносками и со сносками к сноскам, и так далее в неоскудевающих интерпретациях – безжалостная тевтическая герменевтика.

Он прочитал имена «Диккинс и Желлис» – «Шахматы Алисы»²⁵. Разворот с мутациями этой игры с эзотерическими правилами, с наделенными странными силами слонами и пешками, с метаморфированными фигурами под названиями «ящеры», «торы» и «антикороли» – и с одной под названием «кракен». Обычно самой сильной фигурой считается «универсальный прыгун», читал Билли, поскольку он может перейти со своего места на любое поле доски. Но это не он. А кракен. *«Кракен = универсальный прыгун + зеро, – читал Билли, – = универсальный прыгун».* Он может перейти на любое поле – *включая то, на котором уже стоит.* Куда угодно, включая никуда.

На доске и в жизни для кракена в бездне ничто не есть ничто. Неподвижность кракена не есть отсутствие движения. Его зеро – вездесущность. Это движение, похожее на неподвижность, и это самый сильный ход.

Рост цен – следствие нулевой плавучести, читал Билли. Ар-нуво – зависть к спиральям. Войны – жалкие отражения

²⁴ «Катехизисы» (лат.).

²⁵ Версия игры в шахматы с двумя досками и дополнительными правилами.

воображаемой политики кракенов.

Спустя бесчисленные часы Билли поднял взгляд и увидел у двери под потолком девушку. Он помнил ее по одному из моментов во время видений. Она стояла в непримечательной лондонской униформе из худи и джинсов. Закусив губу.

– Привет, – сказала она застенчиво. – Это большая честь. Говорят, тебя, типа, ищут все. Ангел памяти и все такое, как сказал Дейн. – Билли моргнул. – Тевтекс спрашивает, не хочешь ли ты прийти, и они будут рады, если ты... если ты последуешь за мной, потому что они ждут.

Он последовал в комнату поменьше, с одним большим столом и множеством людей. Были там и Дейн с Муром. Несколько человек носили балахоны, как тевтекс; большинство были в штатском. Все казались сердитыми. На столе лежал цифровой диктофон. С его появлением шум бурных споров оборвался. Дейн встал.

– Билли, – сказал спустя миг Мур. – Прошу, присоединяйся.

– Я возражаю, – сказал кто-то. Начался ропот.

– Билли, прошу, присоединяйся, – сказал Мур.

– Что происходит? – спросил Билли.

– Еще не было времен подобных нашим, – сказал Мур. – Тебе интересно будущее? – Билли промолчал. – Когда-нибудь читал свой гороскоп?

– Нет.

– Разумно. Нельзя *увидеть* будущее – его нет. Можно только делать ставки. От двух ясновидящих не добьешься одного ответа. Но это не значит, что кто-то из них ошибается.

– Но возможно, – сказал Дейн.

– Возможно, – сказал Мур. – Но это все разные степени возможности. Даже *лучше*, когда прорицатели спорят. Ты так и не сказал нам, что тебе снилось, Билли. Что-то поднимается? Все чувствуют, как что-то поднимается. С самого исчезновения кракена. И разногласий *нет*. – он сложил ладони, изображая обратный взрыв. – И это неправильно.

– Это запись консультации с лондонмантами, – сказал он.

– Что еще за?... – спросил Билли.

– Вот хороший вопрос, – сказал Дейн.

– Голоса города, – ответил Мур.

– Мечтать не вредно.

– Дейн, прошу. Это старейшие оракулы в пределах M25²⁶.

– Простите, – сказал Дейн. – Но Фитч ошибается уже много лет. Говорит только то, что хочешь услышать. Люди обращаются по традиции...

– Некоторые из них получше, – сказал кто-то другой.

– Ты забываешь, – сказал тевтекс, – что первыми это предсказали лондонманты. Возможно, Фитч сдает, это правда. Люди обращаются по традиции, это правда.

– Сантименты, – сказал Дейн.

²⁶ Кольцевая автомагистраль вокруг Лондона.

– Быть может, – ответил Мур. – Но в этот раз предсказал он. Он умолял, чтобы люди обратили внимание. – Мур нажал «плей».

– ... *лучшие, если спросите*, – сказал отрывистый цифровой голос.

– Это Сайра, – сказал Мур.

– ... *о том, за чем пришли*.

– *Что-то поднимается, подо всем*, – это был тевтекс. – *Мы ищем путь между возможными...*

– *Не в этот раз*, – старческий голос. Его лепет то и дело терял связность. Он говорил настойчиво и оттого сбивчиво. – *Имейте веру, но вы должны и что-то сделать, понимаете? Вы правы, оно грядет, и вы должны... Это конец всему.*

– *Иметь веру во что?* – спросил тевтекс. – *В Лондон?*

Старик Фитч бессвязно нудил о закоулках и тайной истории, описывал пентакли в банальностях городского планирования.

– *Пора это сказать*, – резко заявил он.

– *Я не понимаю...*

– *Никто не понимает. Я знаю, что вы думаете. Что вам говорили? Кто-нибудь говорил, что грядет? Нет. Все только знают, что грядет. А дальше этого никто не видит, верно? Что-то*, – продолжал Фитч, и голос его напоминал голос праха, – *грядет. Это вам говорит Лондон. Что-то случилось, и будущее не просчитать. В этот раз не увильнуть. Не спастись.*

– *Что грядет?*

– *Мир смыкается. Что-то поднимается. И конец. Если любой пророк напроорочит иначе – увольняйте его.* – Билли слышал отчаяние. – *Потому что он либо лжет, либо ошибается.*

– Нужно искать, – сказал Дейн. – Нужно выходить на поиски Бога. Всем заправляет Тату. Он не позволит другим заполучить такую мощь.

– Вы что-то говорили про его врага? – спросил Билли. – Может, это он забрал кракена?

– Гризамент, – ответил Дейн. – Нет. Он не был преступником и не имел дел с богами. И он умер.

– А разве люди не думают, что это *вы* его забрали? – спросил Билли. Все уставились на него.

– Все знают, что мы бы не стали, – сказал тевтекс. – Он не *наш*. Он ничей. – Тут Билли понял, что это последние люди, которые бы забрали кракена – асимптоту своей веры.

– Что ты хочешь? – спросил Дейн тевтекса. – Ты говоришь, нам нужно понять ситуацию, но мы должны выйти на *охоту*. Мы избавим его от зла.

– *Довольно*, – сказал тевтекс, и все замолкли. – Тебе не приходило в голову, что это испытание? Ты правда думаешь, что *Бог*... нуждается в *спасении*? – Мур впервые держался как глава церкви. – Не забыл ли ты катехизис? Какая фигура сильнейшая на доске?

Наконец Дейн пробормотал:

– Сильнейшая фигура на доске – кракен.

– Почему?

– ... движение, похожее на неподвижность.

– Веди же себя так, будто понимаешь, что это значит.

Мур встал и вышел. Билли ждал. Вышел Дейн. Один за другим разошлась паства.

Штаб ОПФС – один кабинет среднего размера с дешевыми креслами и офисной мебелью из «Икея». Коллингсвуд редко пользовалась столом и так и не выбрала свой – работала с ноутбуком на коленях в глубоком кресле.

– Что с нашим унылым занудой? – спросила Коллингсвуд.

– А сегодня это у нас кто? – спросил Бэрон.

– Варди. С самого начала дела о кальмаре он еще зануднее и тише, чем обычно.

– Думаешь? По-моему, это его стандартная мрачность.

– Не-а. – Коллингсвуд наклонилась к экрану. – Что он там вообще делает?

– Занимается спрут-культом.

– Ясно. То есть дрыхнет.

Коллингсвуд уже видела методы Варди. Он обходил Лондон, допрашивал информаторов. Постоянно прочесывал Интернет. Иногда хаотично и сосредоточенно шел по следу от книги к книге, читая абзац в одной, отбрасывая и хватая другую из расползающейся свалки на столе или вскакивая и отыскивая книгу в шкафу перед собой, читая по пути назад, – и уже дочитывал, когда садился. Он как будто находил единую увлекательную историю, разбросанную по бесчисленным книгам. А еще он все пропускал через себя. Сидел, сложив пальцы домиком перед губами, с закрытыми глаза-

ми. Иногда покачивался. Проваливался в забытие и оставался так на минуты, а то и час.

«Как думаешь, что значат эти кости панголина?» – спросит его Бэрон о какой-нибудь возникшей секте чудиков, или: «Есть идеи, что жрица имела в виду под «жезлом крови?», или: «И как мы думаем, где они принесут в жертву мальчика?».

– Не уверен, – ответит Варди. – Есть пара идей. Надо подумать. – И его коллеги затихали, а Коллингсвуд – если была рядом – делала жест «опять выеживается» или делала вид, что сейчас разольет на него чай, или еще что.

Так он проводил долгое время, в конце концов распахивая глаза и заявляя что-нибудь вроде: «Панцирь ни при чем. Панголины *двуногие*. Вот в чем дело. Вот почему они похитили танцора...» Или: «Гринфорд. Ну *конечно*. Раздевалка какого-нибудь заброшенного бассейна. Быстрее, у нас мало времени».

– Он не может сдвинуться в деле спрута, – сказал Бэрон. – Последний раз, когда я проверял, он сидел с заметками о консервации Арчи и кучей статей по метаболизму кальмаров. И какими-то брошюрками по экспедиции «Бигля».

Коллингсвуд подняла брови.

– А я ничего не могу разнюхать о заварухе в Патни, – сказала она. – Слишком много всего творится. Из-за этого гребаного кальмара все на нервах. Не поверишь, сколько звонит психов.

– Как сама справляешься?

Коллингсвуд издала неприличный звук.

– Отвали, начальник, – сказала она. Она не рассказала о своем новом повторяющемся кошмаре – как ее выбрасывают из машины, как она затем летит в кирпичную стену.

– Но это точно по нашей части, то, что там, в Патни?

– Если бы я ставила бабло, – сказала Коллингсвуд. – То уж с такими-то синяками... – С шлепаньем воды о каменный берег беспокойно билось тело. Это был журналист, специализировавшийся на трудовом рынке, которого как будто раздавили. Убийство передали ОПФС, когда патологоанатом обратил внимание, что четыре раны тупым предметом на груди немного напоминают следы ударов невозможно большим кулаком.

Бэрон глянул на свой экран.

– Письмо от Харрис.

– Ну что, я была права? – спросила Коллингсвуд. Она выдвинула теорию, что труп, найденный в подвале, – «Забей пока на эту тему «тело-не-влезит-в-сраную-склянку, босс», – не связан с делом о кальмаре. Что в реальности это какая-то стародавняя мокруха из эзотерических бандитских разборок, на которую Билли наткнулся в момент обострившейся чувствительности. «Ведь у него что-то есть, – говорила она. – Какой-то нюх. Может, на стрессе учуял».

– Ха, – сказал Бэрон и откинулся на спинку. – Ну ладно. Тебе это понравится, Кэт. Ты права.

– Чего? – Она так подскочила, что расплескала кофе. – Да ни фиги. Правда, что ли?

– Харрис говорит, что тело поместили в эту бутылку, по ее оценкам, добрых сто лет назад. Так долго оно там маринуется.

– Твою-то мать. Вот это поворот, а?

– Ты погоди. Это еще не все. Есть одно «и». Или, возможно, лучше сказать «но». Существует какой-нибудь предлог, который обозначает и то и другое?

– Трави уже, начальник.

– Итак, это тело консервировалось в течение века. Но-сл-эш-и. Слышала про Джи Джи Аллина?

– Это что еще за хрен?

– Без понятия. К счастью, у доктора Харрис талант гуглить. Тут сказано, Джи Джи Аллин был музыкантом. Впрочем, также сказано, что это очень вольная трактовка слова «музыкант». Восхитительно. Тут сказано, «скам-рок». Сам-то я больше по «Квин». «В первом ряду стоять не захочется», – пишет Харрис. Так или иначе, он умер лет десять назад.

– И что?

– И то, что, пожалуй, не стоит упускать из внимания тот факт, что на одной из татуировок нашего покойника написано: «Джи Джи Аллин и Мердер Джанкис».

– Ой, блин.

– Вот именно. Оказывается, его засолили за несколько де-

сятилетий до того, как он набил татуировку. – Они переглянулись.

– Ну и мне что, узнать, кем он был?

– Нет нужды, – сказал он. – Есть совпадение. Он в базе данных.

– *Что?*

– Пальчики, ДНК, весь набор. Этому ДНК должно быть сто лет, но годом рождения указан 1969-й. Имя – Эл Адлер. Он же – еще всякая чепуха. Любят же они клички.

– И за что его брали?

– Ограбление. Но он отбывал как обычный зэк только благодаря заключенной сделке. Первоначальное обвинение – из другого разряда.

Полицейские коды для нелегального колдовства. Адлер совершил кражу со взломом с помощью эзотерических средств.

– Сообщники?

– Начинал на вольных хлебах. Один раз подхалтуривал у ковена в Детфорде. А последние четыре года рабочей жизни, похоже, провел на полной ставке у *Гризамент*. Исчез, когда умер Гриз. Гриза-сука-мент, а?

– Это было до меня, – сказала Коллингсвуд. – Никогда с ним не встречалась.

– Не напоминай, – сказал Бэрн. – Должно быть незаконно быть настолько моложе меня. Он был ничего, Гризамент. В смысле, никогда не знаешь, кому можно доверять, но он нас

выручал несколько раз.

– Я так и поняла. Этот крендель всплывает то тут, то там. Ну и чем конкретно он занимался?

– Чем только не, – сказал Бэрн. – Везде поспел. Можно сказать, большой игрок. И после его смерти все полетело в тартарары. Он хорошо уравнивал ситуацию.

– Ты вроде бы говорил, он умер не из-за...

– Да-да, нет. Без шума и драмы. Он заболел. Это знали все. По секрету всему свету. Но вот что я тебе скажу: похороны у него были просто чертово загляденье.

– Ты там был?

– А как иначе.

Столичная полиция не могла пройти мимо такой важной смерти. Такой разрекламированной панихиды. Подробности того, где и как состоится прощание с Гризаментом, приходили в настолько неприкрытых утечках, что скорее были приглашениями.

– Как вы это обставили? – спросила Коллингсвуд. Бэрн улыбнулся:

– Не самая компетентная слежка. «Ой-ой-ой, вы только посмотрите, нас все заметили, ах, какие же мы неумехи». – Он покачал головой.

Коллингсвуд поступила на службу уже давно, уже хорошо была подкована в полицейскости, чтобы понимать устои ОПФС и лондонский этикет. Полиция не могла официально посетить похороны фигуры столь сомнительной законо-

послушности, но не могла и проигнорировать публичное мероприятие, проявить неуважение или неблагодарность. Отсюда лицедейство – фарс, который видно насквозь, мнимая некомпетентность наружки, из-за которой их видели и сочли за посетивших.

– Ну и что наделал этот Адлер? – спросила Коллингсвуд. – Что потом утонул в бутылке?

– Кто знает? Чем он мог кого-то обозлить, я понимаю не лучше тебя.

– Я все понимаю намного лучше тебя, начальник, – сказала она. – Затребуй все необходимое, я пошла за своими шмотками.

Она достала из своего шкафчика в раздевалке старую доску, нефигово измазанную глифами, свечку, горшок незрелого воска. Бэрн послал Харрис имейл, запросив лоскут кожи, кость и клочок волос Адлера.

Он не мог уйти, но в остальном не был ограничен. Билли часами сидел в бездонной библиотеке. Насыщался глубоководной теологией и поэзией. Искал специфику по тевтическому апокалипсису.

Проглотит и выпростает. Заберет из тьмы во тьму. Ужасные укусы. Избранные – как кто? Типа, блохи, паразиты на великом священном теле спрута, несущиеся через водоворот. Или нет, смотря где читать. Но везде – все не так, как сейчас.

Когда Билли в последний раз вздохнул, снял очки и вернул стихи о щупальцах на полку, поморгал и потер глаза, то с испугом увидел нескольких мужчин и женщин, присутствовавших на собрании с тевтексом. Он встал. Они были разного возраста и в разных одеждах, но одинаковы в уважительных выражениях лиц. Он не слышал, как они входили или спускались.

– Давно вы здесь?

– У нас вопрос, – сказала женщина в балахоне с подмигивающим золотым сигилом щупалец на груди. – Вы трудились над ним. Было ли в этом кракене что-то... особенное?

Билли провел рукой по волосам.

– В смысле, особенное-особенное? Необычное для *гигантского кальмара*? – Он безнадежно покачал головой. – Откуда мне знать? – пожал он плечами. – Это вы мне скажите. Я же не из ваших пророков.

Вау. В ответ на это по помещению что-то пронеслось. Все стояли с робким видом. «Что?.. – подумал Билли. – Что я?..» А...

Ну *естественно*, он из их пророков.

– Ох, блин, – сказал он. Привалился к шкафу. Закрыв глаза. Вот почему ему даровали сны. Это не *просто* сны – их следовало читать.

Билли посмотрел на книги – учебники бок о бок с видениями. Он попытался, как Варди, пропустить через себя чужие сцены прозрений. Он мог представить, что эти веру-

ющие считают исследователей цефалоподов неизвестными святыми, не замечающими собственных прозрений и оттого еще более ценными – лишенными эго. А он? Билли касался тела Господня. Консервировал – спас от времени, сберег до *Anno Teuthis*. А из-за Госса и Тату он еще и пострадал во имя Божье. Вот почему прихожане его защищают. Он не просто какой-нибудь святой. Билли – хранитель. Иоанн Креститель от гигантских спрутов. Робость в лицах кракенистов – это преданность. Это трепет.

– Боже ж ты мой, – сказал он.

Мужчины и женщины смотрели. Он видел, как они уже применяют экзегетику к его возгласу.

Любой момент под названием «сейчас» полон возможностей. Во времена переизбытка всяких «может быть» лондонским экстрасенсам порой приходилось отлеживаться в темноте. Некоторые были склонны к тошноте, пресытившись апокалипсисами. Армагеддонное обострение – так они говорили, и во времена парадов планет, календарной черной полосы или рождений уродов этих больных изводило и рвало, сражало побочными эффектами откровений, в которые сами они не верили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.